

Научно-исследовательский центр «Иннова»

НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. ИННОВАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов по материалам
XXII Международной научно-практической конференции,
11 сентября 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

НЗ4

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

НЗ4 НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. ИННОВАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Сборник научных трудов по материалам XXII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 11 сентября 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 108 с.

В настоящем издании представлены материалы XXII Международной научно-практической конференции «Наука. Образование. Инновации: новые подходы и актуальные исследования», состоявшейся 11 сентября 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных, естественных и других науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-97873-103-3

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Балаев Микаил Русланович 5

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волков Дмитрий Александрович 10

ДОГОВОРНАЯ И ВНЕДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Грибанов Кирилл Геннадьевич 17

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ

ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Егоров Юрий Михайлович 23

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕХАНИЗМА

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Калинина Анастасия Алексеевна 30

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ

ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Киреев Александр Андреевич 36

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коротков Николай Алексеевич 41

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Магомедбеков Халил Салихович 47

ПОНЯТИЕ ВИНЫ СЛУЧАЯ И НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В

РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Перелыгин Роман Сергеевич 52

ОСОБЕННОСТИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ КАК ВИДА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Чевычелов Эдуард Сергеевич 59

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ В ДЕТСКИХ САДАХ КИТАЯ
И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ

Ди Юньтин 64

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Загибова Макка Аслановна 71

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И
ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Загибова Макка Аслановна 78

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ К ТРЕНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Талипов Рамиль Рашатович 89

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ПИТАНИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

Кузнецова Екатерина Владимировна 95

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О КОМПЕТЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИКА
НАЛОГОВОГО ОРГАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Теучеж Асфар Асланбиевич..... 100

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.4

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Балаев Михаил Русланович

специалист по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
город Саратов

***Аннотация.** В статье рассматриваются существующие трудности в области реализации социальных прав граждан Российской Федерации на практике, которые, в свою очередь, влияют на уровень жизни населения и экономики в целом. Приведены статистические данные снижения уровня бедности, рост экономического неравенства, уменьшение рождаемости. Предложены пути решения некоторых проблем в данной области.*

The article examines the existing difficulties in the practical implementation of social rights for citizens of the Russian Federation, which, in turn, affect the standard of living of the population and the economy as a whole. Statistical data on the reduction in the poverty rate, the growth of economic inequality, and the decline in the birth rate are presented. Possible solutions to some of the problems in this area are proposed.

Ключевые слова: социальные права граждан, социальная поддержка, проблемы реализации, уровень жизни населения

Keywords: social rights of citizens, social support, implementation issues, standard of living of the population

Конституция Российской Федерации определяет Россию как социальное государство, чья основная задача – создание условий для достойной жизни граждан [1]. Как отмечает С.Г. Василевич, «в таком государстве публичная ответственность за обеспечение социальной справедливости, благосостояния и

защиты соотечественников принимает правовую форму и осуществляется через юридическую деятельность» [2; 95].

Соответственно, можно говорить, что социальная сфера – это своего рода фундамент человеческого существования, охватывающий жизненно важные аспекты, такие как здравоохранение, социальная поддержка, образование, трудоустройство и жилищные вопросы. Именно поэтому социальные права человека являются залогом создания условий, позволяющих удовлетворять его базовые, материальные, духовные и другие насущные потребности.

Однако, согласно российской статистике, текущие экономические и социальные реалии не соответствуют запросам общества. Низкий уровень жизни большинства граждан указывает на существование острой необходимости в доработке социального законодательства.

Под реализацией права понимается совокупность мер, субъектов и институтов, направленных на практическое осуществление прав и свобод. Тем не менее, в правоприменительной практике часто фиксируются случаи нарушения прав и свобод граждан со стороны органов исполнительной власти. Данная ситуация детерминирована комплексом факторов, включающих в себя следующие элементы:

- затрудненность привлечения к юридической ответственности государственных служащих, виновных в нарушении социальных прав человека;
- сложность условий в области практического применения законодательства о защите социальных прав;
- присутствие правового нигилизма, выражающийся в неиспользовании значительной частью населения страны своих конституционных прав;
- недостаточный уровень профессиональной компетенции сотрудников правовых структурных подразделений;
- равнодушное отношение некоторых слоев общества и отдельных граждан к фактам ущемления или нарушения их собственных социальных прав.

Среди указанных проблем можно выделить еще одну важную проблему реализации социальных прав граждан в современных условиях – отсутствие

единой системы понятийного аппарата в действующем законодательстве в данной области.

Так, например, в современной доктрине отсутствует единообразие между ключевыми категориями и понятиями в сфере социальной помощи малоимущим, что является серьезным пробелом. Это напрямую сказывается на низкой эффективности правоприменения, когда нормативно-правовые акты не дают ожидаемого результата. Вместе с этим, стоит отметить, что даже при наличии законодательного требования к унификации и взаимосвязи терминов, социальное законодательство страдает от использования близких по смыслу, но различных по содержанию понятий.

Более того несмотря на то, что в России социальные права традиционно обеспечиваются на высоком уровне, текущая ситуация, характеризующаяся санкционным давлением, поддержанием экономики в процессе проводимой специальной военной операции и активными миграционными процессами, создает значительные препятствия для полноценной реализации некоторых из этих прав. Как следствие, наблюдается как заметное снижение уровня жизни населения, особенно среди уязвимых групп, таких как семьи с детьми и пенсионеры, так и рост экономики сильно замедляется.

В статических данных наблюдается снижение уровня бедности, рост экономического неравенства, уменьшение рождаемости и т.д. Так, например, по данным Росстата «по итогам третьего квартала 2025 г. доходы 6,5% населения были ниже границы бедности (в тот же период в прошлом году показатель составил 8%). Уровень бедности в России за январь–сентябрь 2025 г. составил 7%, повторив рекордно низкий показатель 2024 г. Поскольку в четвертом квартале этот показатель традиционно снижается благодаря выплатам годовых премий, итоговое значение за 2025 г. может стать минимальным за всю историю» [3]. Также в данной статье отмечается, что «в первом квартале 2025 года численность населения сократилась на 61,1 тысячи человек (0,04%) — медленнее, чем за первый квартал 2024 года (сокращение на 0,1%). Происходило это на фоне снижения числа как смертей, так и рождений, из-за чего незначительно увеличилась

естественная убыль населения: с 179,6 тысячи человек в первом квартале 2024 года до 183 тысяч человек в первом квартале 2025 года» [3].

Несмотря на предпринимаемые государством попытки социальной поддержки населения, их эффективном в большинстве своем зависит от экономической стабильности и способности государства адаптироваться к меняющимся условиям. На наш взгляд для того, чтобы повысить эффективность реализации социальных прав и свобод человека и гражданина, государству необходимо принимать меры, направленные, в первую очередь, на развитие экономики и повышения уровня жизни населения. Это, например, может выражаться в поддержке малого или среднего бизнеса создании дополнительных льгот для некоторых категорий граждан, увеличении количества рабочих мест и т.д.

Проведенный анализ правоприменительной практики позволяет также говорить о существовании некоторых трудностей в области защиты социальных прав граждан. Эти трудности в основе своем вытекают из несовершенства законодательства в данной области, существовании неопределенности некоторых конституционных норм, недостаточной или ненадлежащей реализацией своих полномочий государственными органами, а также некоторыми экономическими факторами.

Экономические реалии играют ключевую роль, поскольку граждане, ищущие судебной защиты своих социальных прав, часто сами находятся в затруднительном финансовом состоянии, полностью завися от социальных выплат. Такая зависимость возлагает на суды особую ответственность: при вынесении решений необходимо как строго следовать букве закона, так и глубоко осмысливать потенциальные социальные последствия, чтобы обеспечить справедливый исход.

На мой взгляд, в рамках преодоления существующих пробелов необходимо принять комплекс мер выражающийся в совершенствовании законодательной базы и создании механизмов контроля. Так, представляется целесообразным разработать более четкие и конкретные нормы в области социальных прав, которые позволят судам принимать более обоснованные и справедливые решения.

Более того, чтобы права граждан соблюдались лучше необходимо ввести

строгий мониторинг и контроль за тем, как государственные органы выполняют свои социальные обязательства. Эти меры станут катализатором для улучшения правоприменительной практики и обеспечат более мощную защиту социальных прав граждан в России.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что права и свободы человека являются фундаментальной ценностью государства, обязательной для всех, кто находится на его территории. В этой связи, высказывание Д.З. Мутагирова особенно актуально: «только в том случае, когда будут преодолены все проблемные моменты, возникающие на пути к реализации прав человека, когда само государство будет выступать деятельным гарантом и заступником прав человека, тогда можно будет смело утверждать о том, что мы поистине живем в правовом государстве» [4; 327].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. / Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Василевич, С. Г. Понятие и сущность социального государства / Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 95-100.
3. Чем нам запомнился 2025 год в российской статистике [Электронный ресурс] / Информ. платформа «Если быть точным». URL: <https://tochno.st/materials/cem-nam-zapomnilsia-2025-god-v-rossiiskoi-statistike> (дата обращения: 08.09.2026).
4. Мутагиров, Д. З. Права и свободы человека: учебник для вузов / Д. З. Мутагиров. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: Издательство Юрайт. - 2023. - 516 с.

УДК 347.626.8**БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Волков Дмитрий Александрович**

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В настоящей работе анализируется институт брачного договора в отечественной правовой системе. Автором анализируются подходы к пониманию правовой природы данного института, анализируются особенности содержания брачного договора и др. Отдельное внимание уделяется структуре брачного договора, его специфическим чертам, отличающим брачный договор от гражданских договоров. Отдельно рассматриваются существующие в правоприменительной практике проблемы, связанные с применением брачного договора. По итогу работы автором делается вывод об особой природе брачного договора, предполагающей дальнейшее совершенствование законодательства в данном направлении.*

This paper analyzes the institution of a prenuptial agreement in the domestic legal system. The author examines the approaches to understanding the legal nature of this institution, analyzes the specific features of the content of a prenuptial agreement, and so on. Special attention is paid to the structure of a prenuptial agreement and its distinctive features that distinguish it from civil contracts. The paper also discusses the existing problems in law enforcement practice related to the use of a prenuptial agreement. Based on the results of the study, the author concludes that the prenuptial agreement has a unique nature that requires further improvement of the relevant legislation.

Ключевые слова: брачный договор, семейные правоотношения,

формальная сделка, имущественные отношения

Keywords: *marriage contract, family relations, formal transaction, property relations*

Институт брачного договора в отечественном семейном праве закрепился в правовой системе страны относительно недавно. В этой связи вполне закономерным выглядит большое количество споров в рамках научной доктрины. Большинство дискуссий разворачивается по вопросу-приживется ли брачный договор в семейно-правовых отношениях.

Следует сразу отметить, что брачный договор, брачное соглашение, брачный контракт являются терминами-синонимами. Обращаясь к действующему гражданскому законодательству, мы видим, что договор определяется в качестве соглашения двух или более лиц, в соответствии с которым устанавливаются изменяются или прекращаются гражданские права и обязанности. Как можно судить из названия-«брачный договор» по своей природе является именно договором, следовательно брачный договор также приводит к возникновению, изменению или прекращению гражданских правоотношений. Правовое регулирование брачного договора выходит за пределы Гражданского Кодекса Российской Федерации [1]. Так данному институту посвящены также положения действующего семейного законодательства Российской Федерации. Стоит отметить, что предпосылки для интеграции брачного договора в отечественную правовую систему возникли относительно давно. В частности, коренные социально-экономические изменения, происходящие в стране на рубеже веков, а именно переход от административно-командной к рыночной экономике не могли не отразиться на имущественных отношениях в целом. В общем виде можно говорить о том, что на смену ранее действующему императивному методу регулирования имущественных отношений пришел диспозитивный метод, что существенно повысило уровень гибкости регулирования. Сами участники правоотношений приобрели широкий спектр возможностей для установления изменений и прекращения прав и обязанностей [2, с. 24].

При интеграции брачного договора в отечественную правовую систему,

законодатель отчасти обратился к опыту зарубежных стран, в которых супруги с момента вступления в брак имели право самостоятельно регулировать имущественные отношения предметом заключения специальных соглашений (договоров). В разных государствах существуют различные подходы к тому, какие именно отношения может регулировать брачный договор. В общем виде можно выделить два основных подхода: в соответствии с первым подходом брачным договором могут регулироваться исключительно имущественные отношения супругов. Второй подход предполагает, что помимо имущественных отношений, брачным договором могут быть также урегулированы неимущественные отношения супругов.

Возвращаясь к правовой природе брачного договора, следует отметить, что в российском научном сообществе по данному вопросу продолжаются споры. Также могут быть выделены две основные концепции по вопросу правовой природы брачного договора. В соответствии с первой концепцией брачный договор рассматривается в качестве особой разновидности гражданско-правового договора. Сторонники данного подхода (М.В. Антокольская, Нечаева А. М и др.) в своих работах указывают на невозможность доказательства семейно-правовой сущности брачного договора [3, с.22]. В обоснование своей позиции сторонники данного подхода ссылаются напрямую на положения Гражданского Кодекса Российской Федерации, в рамках которых предусматривается порядок заключения, изменения и расторжения договоров. Брачный же договор рассматривается ими в качестве особой разновидности гражданского договора, призванного регулировать режим имущества лиц, вступивших в брак. К данной группе договоров в первую очередь относится соглашение о разделе совместно нажитого имущества супругов или изменения режима пользования совместно нажитым имуществом. Вторая концепция предполагает, что брачный договор не «помещается» исключительно в рамки гражданско-правовых договоров, и имеет ряд черт, выделяющих его на фоне гражданских договоров. [сторонники данной концепции (И.В. Злобина, Н.Н. Тарусина) акцентируют особое внимание на специфике субъективного состава брачного договора [4, с. 31].

В целом представляется возможным говорить, что брачный договор с одной стороны является разновидностью гражданских договоров, а с другой обладает рядом специфических черт. Рассмотрим эти черты более подробно.

Как уже было отмечено ранее одной из специфических черт брачного договора является его субъектный состав. Сторонами брачного договора могут быть только лица, состоявшие в зарегистрированном браке. При этом брачный договор может быть заключен еще до момента заключения брака, в таком случае он вступит в силу уже после вступления в брак. Также брачный договор может быть заключен в любой момент после заключения брака.

Если рассматривать брачный договор с позиции сделки, то он фактически будет представлять собой двухстороннюю консенсуальную сделку. Поскольку сторонами брачного договора могут быть только супруги, возможность заключения такого договора можно напрямую связывать со способностью вступления в брак. Отсюда можно говорить о том, что субъектами брачного договора должны быть дееспособными, а также соответствовать другим требованиям, установленным для желающих вступить в официальный брак.

Брачный договор заключается в письменной форме с обязательным заверением у нотариуса. Отсюда можно говорить, что брачный договор является так называемой «формальной сделкой». Форма сделки обязательно предполагает, чтобы, документ-основание сделки, был подписан обоими сторонами. В случаях же, если одна из сторон по объективным причинам (в силу особенностей здоровья и др.) не может собственноручно подписать договор, заключение договора может быть засвидетельствовано у нотариуса. На этом роль нотариуса не исчерпывается. Он также может помогать в определении содержания брачного договора, давать юридические консультации сторонам и др. При этом стоит отметить, что сведения, содержащиеся в брачном договоре, не подлежат разглашению, и для нотариуса устанавливается ответственность за их разглашение. За нотариальное удостоверение брачного договора положена пошлина. На сегодняшний день законодатель устанавливает фиксированный размер государственной пошлины за удостоверение брачного договора - 500 рублей пп. 10 ч. 1 ст. 333.24 НК

РФ [5].

Что касается предмета брачного договора, то соответствующие положения содержатся в Семейном Кодексе Российской Федерации, в частности в соответствии со ст. 42 СК РФ предметом брачного договора являются исключительно имущественные отношения между супругами. Из этого можно сделать вывод, что отечественный законодатель отдал предпочтение континентальной модели правового регулирования брачного договора. В рамках которой посредством брачного договора регулируются преимущественно имущественные взаимоотношения супругов. В то время как англо-американская модель, позволяет существенно расширить круг правоотношений подлежащих регулированию посредством брачного договора. Представляется возможным говорить, что российский законодатель действовал осторожно при определении предмета правового регулирования брачного договора. Выбранная модель позволяет урегулировать имущественные аспекты отношений супругов, не доводя до абсурда требования супругов. Для сравнения брачный договор заключенный между Сильвестром Сталлоне и Бриджет Нильсен предусматривал, что супруги обязаны «заниматься любовью не более пяти раз в неделю с специально оговоренных местах и позах». Данный брачный договор был заключен в рамках англо-американской правовой модели, позволяющей регулировать посредством брачного договора также личные неимущественные отношения между супругами.

Российский законодатель не позволяет затрагивать в брачном договоре личные неимущественные права и обязанности супругов, ограничивая тем самым предмет договора. К существенным условиям брачного договора в России относится изменение в будущем хотя бы одного имущественного права или одной имущественной обязанности, которые попадают под законный режим имущества супругов. Все действующие режимы имущества могут быть разделены на две большие группы: режимы общего пользования и режимы раздельного пользования имуществом или имущественными правами. В первом случае имущество супругов находится в их совместном пользовании и подлежит разделу при прекращении брака. Если на имущество распространяется режим

абсолютной общности, все имущество супругов, которое было нажито ими до брака и период брака будет считаться совместным имуществом.

Режим ограниченной общности предполагает разделение имущества супругов на основании временного критерия и качественного критерия. Другими словами, режим совместной собственности может быть установлен только с определенного момента, или может распространяться лишь на определенные категории имущества.

Режим раздельной собственности так же может устанавливаться избирательно в отношении отдельных категорий имущества. Наиболее распространена модель при которой все имущество принадлежащие каждому из супругов до брака остается в собственности соответствующего супруга как в период брака, так и после его расторжения. Договор о раздельном режиме имущества супругов может рассматриваться в качестве разновидностью брачного договора.

Помимо установления любого из режимов имущества, супруги также могут определить в брачном соглашении взаимные права и обязанности по распределению семейных расходов, различного рода условий по взаимному содержанию и другие условия. Однако брачный договор имеет ряд ограничений, которые в первую очередь связаны с неимущественными отношениями супругов. Здесь следует отметить, что один из важнейших аспектов семейной жизни – воспитание детей, не входит в предмет правового регулирования брачного договора, другими словами, соглашение между супругами не может предусматривать формы участия супругов в воспитании совместных несовершеннолетних детей. Важно отметить, что посредством брачного договора не может тем или иным образом ограничиваться дееспособность супругов. Такой запрет во многом исходит из положений ст. 22 ГК РФ [1], запрещающих любые ограничения дееспособности граждан через договоры. Можно выделить следующие основания для признания брачного договора недействительным:

- противоречие действующему законодательству;
- мнимость договора притворный характер договора);
- несоответствие волеизъявления сторон их реальной воле и др.

Подводя итоги следует еще раз подчеркнуть, что брачный договор в российской правовой системе занимает особое место, являясь фактически гражданским договором со всеми вытекающими из этого последствиями, брачный договор обладает рядом специфических черт, выделяющих его на фоне других гражданских договоров.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / СПС «КонсультантПлюс».
2. Апель А.А. Баблянская Н.С. Расторжение брак. Правовые особенности отношений бывших супругов СПб 2003 С.40
3. Бондов С.Н. Брачный договор. Учебное пособие для вузов. М., 2022. С. 62.
4. Нечаева А. М. Семейное право. Курс лекций. М., 2016. С. 159.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
6. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. М., 2003. С. 22.

УДК 347.41**ДОГОВОРНАЯ И ВНЕДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Грибанов Кирилл Геннадьевич**

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В рамках настоящей статьи автором предпринимается попытка провести углубленный анализ порядка наступления и особенностей договорной и внедоговорной ответственности за имущественные правонарушения. В работе исследуются отдельные теоретические и практические аспекты разграничения этих видов ответственности, а также некоторые проблемы применения договорной и вне договорной ответственности в контексте современных социально-экономических реалий. Особое внимание уделяется автором вопросам основания для наступления договорной и внедоговорной ответственности, и проблемным аспектам правоприменительной практики в соответствующей сфере.*

In this article, the author attempts to conduct an in-depth analysis of the procedure for the onset and features of contractual and non-contractual liability for property offenses. The article explores certain theoretical and practical aspects of the differentiation of these types of liability, as well as some issues related to the application of contractual and non-contractual liability in the context of modern socio-economic realities. The author pays special attention to the grounds for the onset of contractual and non-contractual liability, as well as problematic aspects of law enforcement practice in this area.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, договорная

ответственность, внедоговорная ответственность, имущественная ответственность, санкции, имущественные правонарушения

Keywords: *civil liability, contractual liability, non-contractual liability, property liability, sanctions, property offenses*

В научной доктрине вопросы применения и разграничения договорной и внедоговорной ответственности не теряют своей актуальности уже долгое время. Подобного рода «востребованность» во многом обусловлена тем, что от теоретической проработки соответствующих вопросов во многом зависит эффективность работы основных механизмов защиты имущественных прав в правовой системе Российской Федерации. При этом стоит отметить, что вопросам возникновения и разграничения договорной и внедоговорной ответственности за имущественные преступления посвящены труды не только отечественных, но и многих зарубежных авторов, что отчасти позволяет рассмотреть данные вопросы более комплексно с точки зрения нескольких правовых систем.

Институт договорной ответственности как правило связывается с выполнением сторонами соглашения тех обязанностей, которые были на них возложены соответствующим соглашением. О компенсаторной и превентивной функции договорной ответственности пишут в своих работах В.А. Гончарова и Н.Д. Титов [3, с.55]. Авторами также выделяются три основных элемента, наличие которых позволяет говорить о возникновении договорной ответственности: непосредственно заключенное соглашение (договор), доказанный факт нарушения условий договора (неисполнение обязательств по договору), возникновение имущественного вреда для одной из сторон соглашения в результате нарушения его условий. При этом авторами подчеркивается важность доказательства вины нарушителя условий договора. Подобная важность установления вины имеет особое значение потому, что в ряде договоров заранее устанавливаются обстоятельства, при которых даже причинение имущественного вреда не будет являться основанием для наступления договорной ответственности. Различного рода форс-мажорные обстоятельства и обстоятельства непреодолимой силы, которые могут привести к возникновению преимущественно вреда? как правило,

не будут являться основаниями для возникновения договорной ответственности. Поскольку отсутствует вина одной из сторон.

О месте договорной и внедоговорной ответственности в системе гражданского права писала и И.М. Мусаева, которая в своих работах договорную ответственность рассматривала в первую очередь в качестве особого элемента системы гражданско-правового регулирования [2. с. 112]. Автор расширяет функционал данного института, указывая, что он также способствует общему укреплению гражданского оборота. С мнением автора трудно не согласиться, ведь сам факт наличия договорной ответственности для нарушителей условий гражданско-правовых отношений уже выступает эффективным сдерживающим фактором, существенно уменьшающим количество случаев неисполнений обязательств, поддерживая тем самым стабильное функционирование гражданских правоотношений. И. М. Мусаева также в своих работах также подчеркивает, что в отечественной правоприменительной практике существует ряд проблем при установлении прямой причинно-следственной связи между причиненным ущербом и нарушением условий соглашения одной из сторон. В этой связи выносимые судом решения в некоторых случаях будут являться немотивированными, создавая предпосылки для дальнейшего обжалования и как следствие-дополнительной нагрузки для судебной системы страны.

Что же касается внедоговорной ответственности, то в научной доктрине выделяется такая ключевая ее особенность как отсутствие договорных отношений между сторонами. К примеру Д.В. Смирнов в своих работах указывает в качестве основной цели и функции внедоговорной ответственности компенсацию причиненного ущерба. Автор подчеркивает, что для компенсации такого ущерба не обязательно установление факта наличия между сторонами письменных соглашений.

Как уже было отмечено ранее, вопросы, связанные с особенностями применения и разграничения договорной и вне договорной ответственности характерны также и для зарубежной научной доктрины. Так, к примеру, Л.А. Лунц в своих работах всесторонне рассматривает институт вне договорной

ответственности в контексте правовых систем общего права. В основе данного вида юридической ответственности, по мнению автора, лежат общеправовые принципы справедливости и разумности, выступающие в качестве особого ориентира для правонарушителей.

Далее более подробно остановимся на разграничении договорной и внедоговорной ответственности. Данная проблема является одной из наиболее острых в научной доктрине в соответствующей сфере. Уже упоминаемая ранее И. М. Мусаева в данном направлении отмечает, что в действующем гражданском законодательстве отсутствуют четкие критерии для квалификации правонарушений, существенно усложняет применение соответствующих норм гражданского права. Неправильное определение природы юридической ответственности со стороны правоприменителей оборачивается тем, что вынесенные решения также могут быть обжалованы.

Некоторые представители научного сообщества указывают на необходимость законодательного закрепления дополнительных критериев для разграничения договорной и внедоговорной ответственности. Так Т.В. Новиков рассматривает внедоговорную ответственность как форму ответственности, применяемую в исключительных случаях, когда реальная возможность установить и доказать факт наличия между сторонами договорных отношений отсутствует по объективным причинам [4, с. 55].

Краткий анализ международного опыта правового регулирования вопросов договорной и внедоговорной ответственности за правонарушения позволяет говорить, что подходы к пониманию и применению соответствующих институтов во многом разнятся в зависимости от правовой системы. Так, к примеру в странах континентального права (Германия, Франция и др.) данный институт существует уже долгое время. По законодательству Германии, посредством внедоговорной ответственности также может быть компенсирован и нематериальный ущерб. Подобного рода расширенный подход к толкованию случаев применения внедоговорной ответственности позволяет более эффективно защищать права потерпевших. Французское право базируется на принципе восстановления

statusquoante (восстановление первоначального положения), что также находит отражение в судебной практике.

Более индивидуальный подход к обстоятельствам каждого дела используется в рамках Англо-американской правовой системы. По мнению Н.А. Нобеля, ключевое значение при таком подходе имеет концепция ответственности за небрежность (negligence) [5, с. 51]. Такая концепция позволяет правоприменителям оценивать поведения сторон разбирательства в контексте общепризнанных социальных норм. По мнению автора институт внедоговорной ответственности выгодно отличается своей адаптивностью, позволяющей использовать его в постоянно меняющихся условиях гражданского оборота.

Общий анализ отечественной и зарубежной доктрины позволяет говорить, что договорная и внедоговорная ответственность является важнейшими институтами гражданского права. Однако проблемы их разграничения не потеряли своей актуальности, что подчеркивает важность дальнейшей теоретической проработки данных вопросов. Для договорной ответственности характерна зависимость от положений соглашения между сторонами, в то время как внедоговорная ответственность в большей степени опирается на общеправовые принципы. Основными элементами являются нарушение обязательств, причинение ущерба и наличие причинно-следственной связи между ними. В соответствии с п. 1 ст. 393 ГК РФ [1], должник обязан возместить убытки, причинённые неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Внедоговорная ответственность, регулируемая ст. 1064 ГК РФ [1] имеет место в тех случаях, когда между сторонами правоотношений отсутствует письменное соглашение, устанавливающее взаимные права и обязанности. Основными элементами данной ответственности является установление факта причиненного вреда, наличия причинно-следственной связи между действиями одной из сторон правоотношений и возникшим ущербом, вина причинителя вреда.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от

30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2025) / Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Мусаева И. М. Гражданско-правовая ответственность в российском праве / И. М. Мусаева. — Текст: электронный / Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 10(50). С. 155.

3. Гончарова В. А., Титов Н. Д. Понятие и особенности договорной ответственности в отечественном гражданском праве / Образование и право. 2023. № 9. С. 208–215.

4. Новикова Т. В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера / Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72). № 3. — С. 296.

5. Нобель Н. А. О некоторых проблемах рассмотрения судьями судов общей юрисдикции дел об административных правонарушениях / Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 54–56.

6. Stoyanova, V. (2019). Common law tort of negligence as a tool for deconstructing positive obligations under the European convention on human rights. The International Journal of Human Rights, 24(5), 632–655.

УДК 347.191**КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ
ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ****Егоров Юрий Михайлович**

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В настоящей статье рассматриваются теоретические вопросы, связанные с местом и ролью корпоративных правоотношений в системе отечественного права. Автором в общем виде анализируются наиболее популярные подходы к определению места корпоративных правоотношений и корпоративного права в системе права. Также в статье рассматриваются понятие и виды субъектов корпоративных правоотношений, автором проводится общий анализ содержания действующего гражданского законодательства, приводится определение субъектов корпоративных правоотношений. Акцент в статье делается на особенностях корпоративных правоотношений, позволяющих выделить их в самостоятельную группу правоотношений.*

This article discusses theoretical issues related to the place and role of corporate legal relations in the system of domestic law. The author provides a general analysis of the most popular approaches to determining the place of corporate legal relations and corporate law in the system of law. The article also examines the concept and types of subjects of corporate legal relations, provides a general analysis of the current civil legislation, and defines the subjects of corporate legal relations. The article focuses on the specific features of corporate legal relations that distinguish them as an independent group of legal relations.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, корпоративные

правоотношения, гражданское законодательство, гражданское право, юридические лица, субъекты корпоративных правоотношений

Keywords: *civil legal relations, corporate legal relations, civil legislation, civil law, legal entities, subjects of corporate legal relations*

В настоящее время в системе корпоративного права действует широкий круг юридических лиц. Под юридическим лицом следует понимать организацию, созданную на основе объединения участников и их имущества, обладающую обособленной собственностью и несущую самостоятельную гражданско-правовую ответственность. Такая организация возникает и прекращает своё существование в соответствии с требованиями законодательства.

Корпорация представляет собой учреждённую в установленном государством порядке организацию, функционирующую как самостоятельный правовой субъект для ведения предпринимательской или иной деятельности. Она вправе участвовать в судебных процессах от собственного имени, а в случае коммерческого характера деятельности — размещать акции для привлечения инвестиций, необходимых для создания или расширения бизнеса.

Сама отрасль корпоративного права является одна из самых молодых отраслей права. Отсюда можно говорить, что корпоративное право находится в стадии наиболее активного развития и совершенствования. В этой связи существует множество дискуссий в рамках научной доктрины, посвященных сущности корпоративного права и его месте в системе отечественного права.

На наш взгляд корпоративное право следует рассматривать в качестве одного из основных регуляторов деятельности корпораций. В условиях стремительного роста числа корпораций, расширения направлений их деятельности и увеличения объёма выпускаемой продукции становится очевидным, что пренебрежение корпоративным нормотворчеством недопустимо.

Тем не менее данная точка зрения разделяется не всеми исследователями. Существуют подходы, отрицающие самостоятельную значимость корпоративного права либо ставящие под сомнение его необходимость. Так, по мнению С.В. Бошно [2, с.55], несмотря на признание корпоративного права на

законодательном уровне, оно не может органично встроиться в общую систему правового регулирования без глубокого реформирования теоретических основ нормативизма. Кроме того, автор полагает, что общественная практика не проявляет такой степени заинтересованности в развитии корпоративного права, которая оправдывала бы пересмотр устоявшихся положений общей теории права.

Если же говорить о месте корпоративного права в системе отраслей права, то общий анализ научной доктрины по соответствующему вопросу позволяет выделить два основных подхода. В соответствии с первым подходом, корпоративное право рассматривается в качестве самостоятельной отрасли права отличной от гражданского права. Представители данного подхода считают, что корпоративные правоотношения по своей природе являются цельным разделом гражданско-правовых отношений. Если говорить о структуре корпоративных правоотношений, то они включают в себя совокупность прав участников хозяйственных обществ и соответствующих им обязанностей субъектов корпоративного права. В этом контексте корпоративное законодательство рассматривается как самостоятельный предмет правового воздействия, направленный на регулирование взаимодействия, основанного на членстве. Следует еще раз подчеркнуть, что сторонники подхода, в соответствии с которым корпоративные отношения, являются самодостаточными, трактуют корпоративное право, как самостоятельную и комплексную отрасль, включающую в себя положения различных правовых направлений. Следует учитывать, что управленческие отношения представляют собой особый тип социальных связей, базирующихся на элементе власти, то есть на способности одного субъекта навязывать свою волю другому.

Здесь следует отметить, что сам факт отнесения правоотношений, построенных на принципе власти-подчинения, противоречит общим принципам гражданского права, в частности будет иметь место противоречие с ч. 3 ст. 2 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1]. В соответствии с положениями гражданского законодательства использование властно-административных механизмов регулирования в гражданском обороте исключается. Одна из преобладающих концепций исходит из того, что корпоративное право не может быть

полностью включено в рамки какой-либо одной отрасли, поскольку возникающие в этой сфере отношения регулируются одновременно нормами частного и публичного права.

Так, О.В. Гутников определяет корпоративные отношения как урегулированные правом общественные связи, возникающие в процессе создания, функционирования, реорганизации и прекращения деятельности юридических лиц и связанные с их управлением [3, с. 54]. Автор указывает на наличие двойственной связи в управленческих правоотношениях. Так, с одной стороны, их субъекты реализуют личные принадлежащие им права на управление корпорацией. С другой стороны- в таких правоотношениях возможна и обратная субординационная связь, при которой органы управления посредством внутренних нормативно-правовых актов, фактически подчиняют себе волю участников.

С таким подходом во многом не согласен Д.В. Ломакин, который не придавал управлению и управленческим процессам какой-либо существенной роли в рамках корпоративных правоотношений [4, с. 79]. Управленческие и смежные с ними отношения, по мнению автора, носят в первую очередь вспомогательный характер. Их основной задачей является упорядочивание производственных отношений.

Противоположного подхода в вопросе значения управленческих отношений придерживается уже упоминаемый ранее О.В. Гутников, который отводит управленческим отношениям ключевое место в рамках системы корпоративных правоотношений. По мнению автора, именно право управлять компанией (юридическим лицом) является основным корпоративным правом, а не вспомогательным [3, с. 55]. Автор в целом ставит управленческие правоотношения в основу системы корпоративного права.

Сегодня всё больше людей стремятся к получению дохода, не связанного с постоянным личным участием в трудовой или предпринимательской деятельности, то есть к формированию источников пассивной прибыли. В этой связи приобретение доли в юридическом лице нередко рассматривается исключительно как инвестиционный инструмент: покупатели таких активов, как правило,

не вовлекаются во внутренние хозяйственные процессы компании и ориентируются прежде всего на получение имущественной выгоды.

Е.Д. Тягай обоснованно указывает на необходимость корректировки действующего законодательства в части уточнения содержания понятий «участие», «членство» и «управление». По её мнению, данная проблематика имеет значение не только для теории права, но и для правоприменительной практики, поскольку напрямую затрагивает регулирование общественных отношений [5, с. 210].

Понятие управления организацией раскрывается через категорию целенаправленного воздействия управляющего субъекта на управляемый объект. Управление юридическим лицом часто определяется как процесс осуществления уполномоченным органом или представителем, наделённым властными полномочиями, воздействия на внутренние (корпоративные) и внешние отношения организации, включая её взаимодействие с третьими лицами, с целью формирования и изменения её общего состояния.

В этой связи видится необходимым очертить круг основных субъектов корпоративных правоотношений. На наш взгляд, говоря о субъектах корпоративных правоотношений, в первую очередь необходимо указать само корпорацию и ее участников. В соответствии с положениями гражданского законодательства в качестве участников гражданского-правовых отношений определены только граждане и юридические лица.

Данный перечень является закрытым и расширительному толкованию не подлежит. Следовательно, включение других лиц в список субъектов гражданского права представляется необоснованным. Отсюда можно заключить, что органы управления юридическим лицом не должны рассматриваться в качестве самостоятельных субъектов корпоративного права. При том что именно они, играют решающую роль в принятии управленческих решения для деятельности корпорации в целом. Фактически в гражданско-правовых отношениях органы корпорации являются неким вспомогательным элементом для реализации юридическим лицом своей правоспособности.

Орган юридического лица представляет собой структурно оформленную

часть организации, обладающую определённой степенью самостоятельности (в том числе в корпоративном аспекте) и наделённую установленным кругом полномочий. Эти полномочия реализуются лицами, назначенными или избранными в предусмотренном законом порядке и входящими в состав соответствующего органа. Осуществляя их в рамках гражданско-правовых отношений, такие лица фактически выражают собственную волю, которая в силу прямого указания закона признаётся волей самого юридического лица (п. 1 ст. 53 ГК РФ).

При этом участниками управленческой деятельности и представителями юридического лица в гражданском обороте выступают не органы как таковые, а физические и юридические лица, входящие в их состав. Именно они, согласно действующему законодательству, являются самостоятельными субъектами гражданских правоотношений.

Учитывая включение корпоративных отношений в предмет гражданско-правового регулирования, а также их легальное определение в ГК РФ, можно сделать вывод, что корпоративное право не образует ни отдельной, ни комплексной отрасли права. Более обоснованным представляется рассматривать его как сложный правовой институт. Корпоративные отношения обладают собственной спецификой и характерными признаками, что позволяет выделять их в обособленную категорию общественных связей.

Следует отметить, что хотя становление российской системы корпоративного права заняло сравнительно меньше времени по сравнению с аналогичными процессами в ряде развитых государств, данный этап сопровождался длительным и непростым развитием. Вместе с тем и в настоящее время ряд законодательных вопросов в этой сфере остаётся нерешённым.

Ключевым нормативным правовым актом, определяющим правовой статус корпорации как особой разновидности юридического лица со специфическими характеристиками, является Гражданский кодекс Российской Федерации.

В результате общего анализа существующих в научной доктрине подходов, можно заключить, что для корпоративных правоотношений характерна гражданско-правовая природа с особым частно-управленческим характером.

которому свойственно не одностороннее властное подчинение, а определенные двусторонние субординационные отношения между самим юридическим лицом и его участниками. Так, с одной стороны, участники воздействуют на юридическое лицо посредством принятия управленческих решений, исполнение которых является обязательным в рамках работы конкретного юридического лица. С другой стороны-сами, участники обязаны следовать управленческим решениям, принятым по принципу большинства и др. При этом стоит отметить, что сами органы управления хозяйственных обществ, не могут рассматриваться в качестве самостоятельных субъектов корпоративных правоотношений. Они всегда неразрывно связаны с самим юридическим лицом, которое уже может выступать в качестве самостоятельного субъекта корпоративного права. Фактически органы управления являются особыми вспомогательными конструкциями, призванными способствовать тому, чтобы юридическое лицо реализовывало свою правоспособность.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.12.2025) / «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
2. Башно С.В. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). -Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2019. - 113 с.
3. Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права / О.В. Гутников II Журнал российского права. - 2017. - № 3 (243). - С. 54-64.
4. Ломакин Д. В. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов / Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6 (237). С. 74-79.
5. Е.Д. Тягай Корпоративное право современной России: монография. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2017. - 352 с.

УДК 347.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Калинина Анастасия Алексеевна

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В рамках настоящей статьи рассматриваются отдельные доктринальные вопросы гражданско-правовой защиты прав предпринимателей в Российской Федерации. В статье предпринимается попытка провести анализ понятий способов и форм защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, рассматривается роль и значение Российской Федерации в защите гражданских прав предпринимателей.*

This article discusses certain doctrinal issues of civil law protection of entrepreneurs' rights in the Russian Federation. The article attempts to analyze the concepts of methods and forms of protection of the rights of business entities and examines the role and significance of the Russian Federation in protecting the civil rights of entrepreneurs.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательские риски

Keywords: entrepreneurial activity, entrepreneurial risks

Защита прав предпринимателей в современных реалиях является одним из актуальных направлений государственной деятельности в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию. Обострение геополитической ситуации вокруг

Стоит отметить, что вплоть до 1990 г. в законодательстве в целом не

упоминался такой субъект как предприниматель. Впервые законодательное закрепление соответствующего понятие произошло лишь в рамках закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [1]. С принятием этого нормативно-правового акта в гражданских правоотношениях появился еще один ключевой субъект – предприниматель. Появление новой фигуры в системе гражданских правоотношений обусловило необходимость формирования действенного и механизма защиты прав предпринимателей. На сегодняшний день, указанный выше закон уже утратил силу, но проблема создания эффективного механизма прав предпринимателей не потеряла своей актуальности.

На сегодняшний день указанный выше закон уже утратил силу, и основу правового регулирования защиты прав предпринимателей составляют иные нормативно-правовые акты. Важнейшее значение в соответствующей сфере играет Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так открывающая статья ГК РФ содержит положения, в соответствии с которыми гражданское законодательство строится на юридическом равенстве всех участников гражданского оборота, неприкосновенности форм собственности, свободе договора, беспрепятственном осуществлении гражданских прав – ст. 1 ГК РФ [2]. Из существа данных положений можно вывести что нарушение закрепленных в статьях ГК РФ принципов, может повлечь за собой в том числе нарушение прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности. В этой связи важно, чтобы обозначенные в тексте Гражданского Кодекса принципы должны не просто декларироваться, но и иметь реальные механизмы их реализации. В п. 1 ст. 2 ГК РФ указано, что гражданским законодательством регулируются отношения между лицами, в том числе между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность [2]. Положения закона также содержат легальную дефиницию предпринимательской деятельности-самостоятельная, осуществляемая на свой страх и риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Здесь следует отметить, что предметом гражданского права выступают в

первую очередь имущественные и связанные с ними неимущественные отношения. Поскольку субъект предпринимательской деятельности является и субъектом гражданского права, он может защищать свои права и интересы как в имущественной, так и в неимущественной сферах. В частности, предприниматели могут защищать свои интересы в сфере защиты деловой репутации, защиты объектов интеллектуальной деятельности и др. В данном направлении примечательна позиция В. П. Грибанова, который в своих работах подчеркивал, что предприниматели вправе реализовывать принадлежащие им по закону гражданские права, в тех случаях, когда они могут пресекать и предотвращать нарушения и законных прав, и интересов, а также компенсировать различного рода сопутствующие потери [3, с. 96].

Другой признанный «классик» гражданского права Е.А. Суханов, говорил о субъективном праве на защиту как о юридически закрепленной возможности субъекта правоотношений применять установленные законом меры защиты в целях восстановления и защиты нарушенных или оспариваемых прав [4, с. 44].

На наш взгляд, в рамках механизма гражданско-правовой защиты прав предпринимателей можно выделить два основных аспекта-материальный и процедурный. Материальный аспект предполагает, что, при нарушении прав предпринимателей нарушается его имущественные материальные интересы. Ведь как уже было отмечено ранее основной целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли. Процедурный или же процессуальный аспект проявляется непосредственно в способах защиты нарушенных прав субъекта предпринимательской деятельности, в существовании определенных юридических процедур.

Примечательная также позиция А.С. Шевченко, который в своих работах указывает, что «при нарушении субъективного гражданского права, его восстановление возможно при помощи должного поведения обязанного лица [5, с. 122]. Если же обязанное лицо отказывается от добровольного исполнения возложенных на него обязанностей, в такой ситуации должны быть применены меры государственного принуждения. Представляется, что в данном случае речь идет в

первую очередь о судебных способах защиты нарушенных гражданских прав.

При осуществлении защиты гражданских прав ключевое значение имеют формы и механизмы, посредством которых такая защита реализуется.

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает широкий спектр способов защиты субъективных прав. В статье 12 ГК РФ закреплён открытый перечень таких способов, что позволяет применять и иные меры, прямо предусмотренные законом [2]. Анализируя данную норму, представляется возможным условно сгруппировать способы защиты по их характеру и способу реализации.

Первую группу образуют меры самозащиты, при которых носитель нарушенного или оспариваемого права самостоятельно предпринимает допустимые законом действия для его восстановления или предотвращения нарушения. Самозащита может выражаться, в частности, в использовании механизмов, вытекающих из принципа свободы договора. Так, стороны вправе включать в договор условия, направленные на обеспечение надлежащего исполнения обязательств, устанавливать способы обеспечения, а также предусматривать последствия нарушения условий соглашения.

К мерам самозащиты относится и возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства в случаях, прямо предусмотренных законом или договором, если контрагент допускает существенное нарушение. Такие действия направлены на пресечение противоправного поведения обязанного лица и минимизацию неблагоприятных последствий для управомоченного субъекта.

Вместе с тем законодатель устанавливает пределы осуществления самозащиты. Недопустимо выходить за рамки разумности и соразмерности, поскольку это может привести к фактическому «самоуправству» или так называемому «самосуду». Если восстановление нарушенного права собственными силами невозможно либо сопряжено с риском нарушения закона, субъект вправе прибегнуть к установленным государством механизмам принудительной защиты.

Таким образом, вторую крупную группу способов составляет судебная защита. Обращение в суд обеспечивает восстановление нарушенных или

оспариваемых прав в процессуальной форме, гарантируя объективное рассмотрение спора и принятие обязательного к исполнению решения.

Представляется возможным говорить, что форма защиты права тесным образом связана со способами защиты права. На наш взгляд форма защиты права является внешним выражением «оболочкой» способов защиты права. При этом в науке гражданского права выделяют две формы защиты гражданских прав - не юрисдикционная и юрисдикционная.

Со своей стороны государство последовательно совершенствует инструменты и организационные механизмы, направленные на обеспечение гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности. Одним из подтверждений такой политики стало учреждение 24 мая 2012 г. приказом Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки специализированного Управления по надзору за соблюдением прав предпринимателей.

К числу приоритетных задач данного подразделения отнесены: своевременное выявление нарушений прав хозяйствующих субъектов и проведение соответствующих проверочных мероприятий; контроль за законностью действий органов государственной власти и местного самоуправления при осуществлении ими контрольно-надзорных и разрешительных функций; анализ нормативной правовой базы на предмет наличия положений, создающих необоснованные барьеры для ведения бизнеса и реализации инвестиционных проектов; обобщение и оценка правоприменительной практики в сфере соблюдения прав предпринимателей.

Список литературы

1. Закон РСФСР от 25.12.1990 г. № 445–1 (ред. от 30.11.1994 г.) «О предприятиях и предпринимательской деятельности» / Ведомости СНД и ВС РСФСР. - № 30. - 1990. - 27 декабря. - Ст. 418 (утратил силу).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.12.2025г.) / Российская газета. - 1994. - № 238-239.
3. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. -

М.: «Рос. Право», 1992. - 204 с.

4. Гражданское право: учеб.: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во БЕК, 1998. - 816 с.

5. Шевченко Л.С. Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав / Механизм защиты субъективных гражданских прав Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Бут-нев. - Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1990. - 164 с.

6. Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. - Свердловск: Ср.-Уральск. книжн. изд-во, 1974. - 206 с.

УДК 347.77**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****Киреев Александр Андреевич**

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** Интеллектуальная собственность в современных реалиях все прочнее закрепляется в качестве важнейшего объекта гражданского оборота и элемента мировой экономики в целом. В статье рассматриваются тенденции развития законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Также рассматриваются отдельные проблемные аспекты правоприменительной практики в рассматриваемой сфере с последующим формулированием рекомендаций по совершенствованию законодательного подхода к правовому регулированию охраны результатов интеллектуальной деятельности.*

In today's reality, intellectual property is increasingly becoming an essential object of civil circulation and an element of the global economy as a whole. This article examines the trends in the development of legislation in the field of intellectual property. It also addresses certain problematic aspects of law enforcement in this area, followed by recommendations for improving the legislative approach to the legal regulation of the protection of intellectual property.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, защита гражданских прав, перспективы развития законодательства, патентное право, авторское право

Keywords: intellectual property, intellectual rights, protection of civil rights, prospects for the development of legislation, patent law, and copyright law

На сегодняшний день законодательство о правах на результаты интеллектуальной деятельности остается наиболее открытой для исследований и дискуссии. Подобная ситуация во многом обусловлена относительной новизной соответствующих институтов для отечественной правовой системы. На развитие современной правовой базы в сфере интеллектуальной собственности существенное влияние оказывают различного рода инновационные процессы, проистекающие в современном мире.

Соответствующей группе правоотношений посвящена целая часть Гражданского Кодекса Российской Федерации-часть IV [1]. В рамках данного нормативно-правового акта фактически воплотилась современная теоретическая концепция о правах на результаты интеллектуальной деятельности. В основе данной концепции лежит объединение общих положений авторского и патентного права в рамках одного кодификационного акта. С момента введения в действие IV части ГК РФ объединяющей категорией всех прав в отношении результатов интеллектуальной деятельности является категория интеллектуальных прав.

На сегодняшний день накопился достаточный объем правоприменительной практики в сфере защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности, позволяющий выявить наиболее проблемные аспекты данной сферы.

Целесообразно проанализировать отдельные тенденции эволюции законодательства в сфере интеллектуальных прав с позиции его дальнейшего развития и модернизации. Следует подчеркнуть, что на регулирование отношений, возникающих в связи с созданием и охраной результатов интеллектуальной деятельности, существенно влияют текущие преобразования Гражданского кодекса Российской Федерации. Обновление ГК РФ проводится на основе Концепции развития гражданского законодательства, утверждённой Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 [2]. Практическая реализация положений данной Концепции находит отражение в принятии ряда федеральных законов, предусматривающих значительные изменения и дополнения в действующий текст Кодекса.

В действующем гражданском законодательстве, положения, касающиеся прав на результаты интеллектуальной собственности, содержатся в гл. 69-77 ГК

РФ [1]. В целом представляется возможным говорить, что место интеллектуальной собственности в системе гражданского права на сегодняшний день определено. В рамках указанной выше концепции развития гражданского законодательства существуют ряд проблемных аспектов. В целом проблемные аспекты концепции развития гражданского законодательства могут быть условно разделены на две основные группы: относящиеся к сфере патентного права и к сфере авторского права.

На сегодняшний день у правоприменителей нередко возникают трудности, вызванные недостаточной правовой определенностью отдельных положений IV части ГК РФ. Эти трудности в свою очередь негативно сказываются на обеспечении баланса интересов различных субъектов гражданских правоотношений.

Среди результатов интеллектуальной деятельности особое значение придаётся изобретениям, полезным моделям и промышленным образцам. Указанные объекты входят в категорию промышленной собственности, как это закреплено в Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года. Правовые нормы, регулирующие отношения в данной сфере, образуют систему патентного права.

Результативность инновационного развития и реализация курса на технологическое обновление российской экономики во многом определяются уровнем конкурентоспособности национальной промышленности и способностью создавать и внедрять передовые решения. Достижение этих целей невозможно без надёжной и эффективной правовой защиты объектов, подпадающих под действие патентного законодательства, которое в отдельных аспектах нуждается в доработке.

В числе актуальных вопросов выделяется необходимость приведения к единому стандарту административных процедур, связанных с государственной регистрацией прав на различные объекты промышленной собственности — изобретения, полезные модели, промышленные образцы, а также средства индивидуализации, включая товарные знаки. При этом важно обеспечить согласование национальных процедур с международными правилами, что приобретает

особую значимость в условиях участия России в системе Всемирной торговой организации.

В качестве примера можно привести полезную модель. Правовая охрана полезной модели обеспечивается в случаях если техническим решением является устройство, обладающие признаками новизны и промышленной применимости. Признак новизны определяется исходя из уровня техники и включает в себя любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения. При этом важно отметить, что в отличие от изобретения в случае с полезной модели учитываются только общедоступные сведения по Российской Федерации. Отсюда можно говорить, что реальной экспертизы, по существу, в отношении полезных моделей фактически не проводится.

Ещё одной сложной проблемой остаётся нормативное регулирование передачи прав на использование произведений, прежде всего определение допустимых границ такого использования.

На сегодняшний день механизм предоставления права использования строится на системе договорных конструкций: договоре об отчуждении исключительного права, лицензионном договоре, договоре авторского заказа, а также издательском лицензионном договоре. Подобная модель выглядит чрезмерно формализованной и перегруженной процедурами. Представляется возможным её оптимизировать. В частности, если автор или иной правообладатель даёт согласие на размещение произведения в информационно-телекоммуникационных сетях, заключение отдельного лицензионного соглашения не всегда является необходимым. Соответствующие условия могли бы закрепляться во внутренних нормативных актах организаций либо включаться непосредственно в трудовые договоры.

Характерной тенденцией развития законодательства об интеллектуальной собственности является усиление механизмов правовой защиты, включая учреждение специализированного судебного органа. Создание такого суда являлось одним из обязательств России при присоединении к ВТО. Идея его формирования обсуждалась на протяжении длительного времени и была реализована

принятием Федерального конституционного закона от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ, внесшего изменения в закон «О судебной системе Российской Федерации». Аналогичные судебные инстанции функционируют во многих государствах. Несмотря на существование различных экспертных оценок, учреждение специализированного арбитражного суда в России можно рассматривать как важный шаг к формированию устойчивой и единообразной судебной практики в сфере охраны интеллектуальных прав.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) / СПС «КонсультантПлюс».
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 08.07.08. № 1108.;
3. Федеральный закон Российской Федерации от 30.12.12 № 302-ФЗ «О внесении изменений в гл. 1, 2, 3, 4 ч. I ГК РФ.

УДК 347.132.6**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Коротков Николай Алексеевич**

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В рамках настоящей статьи предпринимается попытка дать комплексный анализ правового регулирования строительной деятельности в Российской Федерации. Автором рассматриваются нормативно-правовые акты, определяющие порядок осуществления строительных работ, требования к участникам строительного процесса, механизмы государственного контроля и надзора, а также особенности саморегулирования в сфере строительства. Особое внимание уделяется роли Градостроительного кодекса РФ, технического регулирования и судебной практики. По результатам работы делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства с учетом цифровизации отрасли и развития института саморегулируемых организаций.*

In this article, an attempt is made to provide a comprehensive analysis of the legal regulation of construction activities in the Russian Federation. The author examines the legal acts that determine the procedure for carrying out construction work, the requirements for participants in the construction process, the mechanisms of state control and supervision, as well as the features of self-regulation in the construction sector. Special attention is paid to the role of the Town Planning Code of the Russian Federation, technical regulation, and judicial practice. Based on the results of the study, it is concluded that further improvement of legislation is necessary, taking into

account the digitalization of the industry and the development of the institution of self-regulatory organizations.

Ключевые слова: *строительная деятельность, градостроительное законодательство, саморегулируемые организации, техническое регулирование, государственный строительный надзор, разрешение на строительство, правовое регулирование*

Keywords: *construction activities, urban planning legislation, self-regulatory organizations, technical regulation, state construction supervision, construction permit, legal regulation*

На сегодняшний день, несмотря на сложную геополитическую ситуацию, сложившуюся вокруг Российской Федерации, строительная деятельность продолжает оставаться одной из ключевых отраслей экономики Российской Федерации, обеспечивающей формирование объектов капитального строительства, развитие инфраструктуры и реализацию государственных и муниципальных программ. В условиях активного жилищного строительства, модернизации промышленных объектов и развития транспортной сети особую значимость приобретает правовое регулирование данной сферы. В свою очередь эффективность правового регулирования напрямую влияет на обеспечение безопасности объектов, защиту прав участников строительных правоотношений, соблюдение градостроительных норм и стандартов, а также на инвестиционную привлекательность отрасли.

Ввиду важности строительной отрасли для экономики страны, правовое регулирование соответствующих правоотношений осуществляется сразу в нескольких нормативно-правовых актов. Другими словами, правовое регулирование строительной отрасли носит комплексный характер.

Основополагающим нормативным правовым актом в рассматриваемой сфере является Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [1]. Он устанавливает правовые основы градостроительной деятельности, включая территориальное планирование, зонирование территорий, подготовку проектной документации, выдачу разрешений на строительство и ввод объектов

в эксплуатацию.

Особое значение в контексте правового регулирования строительной деятельности имеет Гражданский Кодекс РФ, регулирующий договорные отношения в строительстве (договор подряда, строительного подряда, государственный и муниципальный контракт) [2].

К другим нормативно-правовым актам, регулирующим рассматриваемую сферу правоотношений, можно отнести:

- Земельный кодекс РФ [3];
- Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [4];
- Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» [5];
- нормативные правовые акты Правительства РФ и подзаконные акты федеральных органов исполнительной власти.

Таким образом, регулирование строительной деятельности осуществляется многоуровневой системой нормативных актов, обеспечивающей комплексный подход к правовому воздействию на рассматриваемую сферу правоотношений. При этом важно отметить, что во избежание путаницы в системе нормативно-правового регулирования строительной деятельности существует определенная иерархия нормативно-правовых актов.

Далее видится необходимым более подробно остановиться на субъектах строительной деятельности-ее основных участниках. Участниками строительных правоотношений выступают застройщики, технические заказчики, подрядчики, проектировщики, органы государственной власти и местного самоуправления и др. Особое место в системе регулирования занимают саморегулируемые организации в строительстве, членство в которых является обязательным условием выполнения определенных видов работ, влияющих на безопасность объектов капитального строительства. Для саморегулируемой организации характерно наличие внутреннего устава и документации, однако в общем виде можно говорить, что СРО выполняют следующие функции:

- разработка стандартов и правил профессиональной деятельности;

- контроль за деятельностью своих членов;
- формирование компенсационных фондов для возмещения вреда.

Можно отметить таким образом, государственное регулирование в сфере строительства сочетается с элементами саморегулирования, что способствует повышению ответственности участников рынка.

Особое значение в контексте анализа строительной деятельности в Российской Федерации играют разрешительные процедуры. Одним из ключевых элементов правового регулирования является система разрешительных процедур.

К числу основных этапов разрешительных процедур относятся:

- получение градостроительного плана земельного участка.
- разработка и экспертиза проектной документации.
- получение разрешения на строительство.
- осуществление строительного контроля.
- получение разрешения на ввод объекта в эксплуатацию.

Особое значение имеет государственная экспертиза проектной документации, направленная на проверку соответствия проекта требованиям технических регламентов, санитарных, экологических и иных норм. С 2018 года активно внедряются механизмы цифровизации строительной отрасли, включая использование информационного моделирования (BIM-технологий) и электронного документооборота [6, с 44].

В конце работы видится необходимым рассмотреть особенности государственного контроля и надзора за строительной отраслью. Государственный контроль и надзор Государственный строительный надзор осуществляется уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Целью надзора является обеспечение соответствия выполняемых работ требованиям проектной документации и технических регламентов.

Кроме строительного надзора, в данной сфере действуют:

- санитарно-эпидемиологический контроль;
- экологический надзор;
- пожарный надзор.

Нарушение требований законодательства влечет административную, гражданско-правовую и в отдельных случаях уголовную ответственность.

Судебная практика свидетельствует о значительном количестве споров, связанных с качеством строительных работ, взысканием неустоек и убытков, а также признанием объектов самовольными постройками [7].

Правовое регулирование строительной деятельности в Российской Федерации представляет собой сложную и многоуровневую систему норм, направленных на обеспечение безопасности, качества и законности строительства.

Ключевую роль в данной системе играет Градостроительный кодекс РФ, а также институт саморегулирования. Вместе с тем динамичное развитие строительной отрасли требует постоянного совершенствования законодательства, упрощения административных процедур и адаптации правовых норм к условиям цифровой экономики.

Эффективность правового регулирования строительства является важнейшим фактором устойчивого социально-экономического развития государства.

Список литературы

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2026).
2. «Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ст. 128 (Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс)».
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. (Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс)».
4. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».
5. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства о самовольных постройках.
7. Комментарий к Градостроительному кодексу Российской Федерации /

под ред. В.В. Яркова. — М.: Норма, 2023.

8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья. — М.: Статут, 2022.

УДК 349.6

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Магомедбеков Халил Салихович

специалист по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
город Саратов

***Аннотация.** Статья направлена на анализ существующих в теории и практике проблем в сфере реализации основных экологических прав российских граждан. Установлены отсутствие системного подхода к регулированию указанных прав, неэффективность реализации норм о праве граждан на информацию о состоянии окружающей среды и его защиты, а также существование сложности области реализации права граждан на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением.*

The article aims to analyze the problems existing in theory and practice in the field of implementing the fundamental environmental rights of Russian citizens. It has been established that there is a lack of a systematic approach to regulating these rights, the inefficiency of implementing the provisions on citizens' right to information about the state of the environment and its protection, as well as the existence of difficulties in the area of implementing citizens' right to compensation for damage caused by environmental offenses.

Ключевые слова: экологические права, благоприятная окружающая среда, возмещение вреда, проблемы реализации экологических прав

Keywords: environmental rights, a favorable environment, compensation for harm, problems in the implementation of environmental rights

Несмотря на законодательное закрепление экологических прав граждан, их

практическая реализация часто сталкивается с определенными проблемами. Трудности в данной области обусловлены как внутренними недостатками самого экологического законодательства – его пробелами и противоречиями, так и объективными сложностями в обеспечении его исполнения.

Посредством анализа научной литературы и российского законодательства в сфере охраны окружающей среды представляется возможным установить отсутствие системного подхода к регулированию экологических прав граждан. Законодательные нормы в этой области в большинстве случаев разрознены и часто ограничиваются лишь декларативным перечислением прав, не предоставляя при этом ни их детального толкования, ни конкретных механизмов для их практической реализации. Такого рода обстоятельства значительно затрудняют эффективное осуществление экологических прав российским гражданами.

В частности, можно указать на раскрытие содержания понятия «благоприятная окружающая среда» в Законе об охране окружающей среды. Так, например, благоприятная окружающая среда представляет собой среду, «качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов» [1]. При этом, на основании каких именно критериев можно оценить качество окружающей среды законодателем не устанавливается, что может создавать некоторую неопределенность в правоприменении.

В научной доктрине предлагаются различные подходы к определению таких критериев. М.В. Светличная указывает на соответствие среды требованиям «незагрязненности, ресурсоёмкость, экологическое устойчивости, видовое разнообразие и сохранение естественных экосистем» [2; 2], в то время как А.Ю. Хоростов предлагает использовать уровень здоровья населения как ключевой критерий благоприятной окружающей среды [3; 248]. По мнению М.М. Бринчука, окружающая среда является благоприятной, «если ее состояние соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям и нормативам, касающимся чистоты (незагрязненности), ресурсоемкости (неистощимости), экологической устойчивости, видового разнообразия и эстетического богатства.

Следовательно, окружающая среда может быть благоприятной только тогда, когда ее состояние будет соответствовать установленным и описываемым выше экологическим законодательством требованиям» [4; 43].

Анализ статистических данных позволяет говорить о том, что хотя право на благоприятную окружающую среду юридически признано, его практическое воплощение остается ограниченным. Так, например, эксперты указывают, что за 2025 год на 41 % выше, чем за предыдущий 2024 год, зафиксированы случаи высокого и экстремально высокого загрязнения атмосферного воздуха [5]. Представляется, что такая ситуация вызвана отсутствием продуктивности существующих механизмов экологического контроля, которые не стимулируют хозяйствующие субъекты к снижению объемов выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду.

В доктрине также отмечается неэффективность реализации норм о праве граждан на информацию о состоянии окружающей среды и его защиты, несмотря на установление ответственности за нарушение такого права. Пример норильской экологической катастрофы, вызванной разливом углеводородов, наглядно продемонстрировал данную проблему. Так, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) в течение пяти лет не имела возможности получить сведения и провести проверку резервуаров, которые по официальным данным находились на ремонте. Именно из этих резервуаров и произошла утечка, которая в последующем повлекла масштабные экологические последствия. Представитель Ростехнадзора указал, что «по решению администрации предприятия резервуар был выведен в ремонт, в этом случае Ростехнадзор не имеет возможности проверять объект. Более того, согласно ежегодным отчетам НТЭК о производственном контроле, данный резервуар продолжает находиться в ремонте» [6].

Определенные сложности возникают и в области реализации права граждан на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением. В частности, эти сложности спровоцированы недостаточной проработанностью механизма возмещения вреда.

Соответственно, для того чтобы граждане могли полноценно пользоваться своими экологическими правами требуется наличие эффективной системы, обеспечивающей выполнение государственными органами своих обязательств. Несмотря на правовую обязанность о предоставлении информации о правах и свободах органами государственной власти и местного самоуправления, на практике эти положения порой соблюдаются в неполном объеме.

Изучение судебной и иной правоприменительной практики свидетельствует о том, что экологические права граждан в подавляющем большинстве случаев не становятся предметом правовой защиты. Это как раз и объясняет низкий уровень «экологизации» судебной системы России, что приводит к скудности судебной практики в сфере охраны окружающей среды и защиты экологических прав граждан при наличии большого количества санкций за данные нарушения. Как итог – малый объем судебной практики, посвященной этим вопросам.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что наличие законодательных неопределенностей в рамках вопросов реализации экологических прав, а также недостаточная активность субъектов права в защите своих прав на благоприятную окружающую среду, достоверные сведения о ее качестве и компенсации ущерба, нанесенного здоровью или имуществу в результате экологических правонарушений, представляет собой существенную проблему. Эти проблемы могут спровоцировать незащищенность населения и ухудшение состояния окружающей среды. В этой связи, считаем, что законодателю необходимо путем изучения значимых пробелов в данной области предпринять меры по повышению эффективности реализации экологических прав граждан.

Во-первых, нужно тщательно проработать законодательство в сфере экологических прав, исключив важные пробелы и неточности, которые вызывают трудности в правоприменении (например, в Законе об охране окружающей среды представляется необходимым предусмотреть список критерием благоприятной окружающей среды).

Также следует разработать четкие механизмы в рамках компенсации ущерба, причиненного экологическими правонарушениями (в частности, при

определении суммы возмещения ущерба отталкиваться, помимо прочего, и от последствий совершенного деяния для будущих поколений).

Увеличение информативности и правовой грамотности граждан в данной области, в свою очередь, будет способствовать более активному участию населения в охране окружающей среды, в том числе, путем реализации права на защиту нарушенных экологических прав.

Таким образом, думается, что комплексный подход к рассмотренным вопросам позволит значительно повысить уровень защиты экологических прав граждан и улучшит состояние окружающей среды.

Список литературы

1. Об охране окружающей среды: Федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. / Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2002. - № 2. - Ст. 13.
2. Светличная, М. В. К вопросу об определении понятия «благоприятная окружающая среда» / Политика, государство и право. 2012. № 1. С. 1-5.
3. Хворостов, А. Ю. Экологические права человека и гражданина: преодоление трудностей реализации / Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. / сост. В. Ю. Панченко, А. А. Петров. - Красноярск: Центр информации, 2015. С. 245-255.
4. Бринчук М. М., Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права / Журнал российского права. 2008. № 9. 37-52.
5. Эксперты сообщили о рекордном росте числа сильных загрязнений воздуха. [Электронный ресурс] / РКБ [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/03/2026/69afdda39a794769a0b76696> (дата обращения: 10.09.2026).
6. Ростехнадзор пять лет не проверял аварийный резервуар «Норникеля». [Электронный ресурс] / РКБ [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/business/05/06/2020/5eda7c429a7947585eac5b7e> (дата обращения: 11.09.2026).

УДК 347.41/.47

ПОНЯТИЕ ВИНЫ СЛУЧАЯ И НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Перелыгин Роман Сергеевич

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В настоящей работе автором анализируется сущность и содержание такого понятия как «непреодолимая сила» в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. В ходе работы приводятся позиции представителей научной доктрины по рассматриваемому вопросу, анализируются материалы судебной практики, связанной с применением норм об обстоятельствах непреодолимой силы. По итогам работы автором делается вывод о необходимости интеграции в действующее гражданское законодательство специальных критериев отнесения тех или иных обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы. Подобные законодательные изменения ограничат уровень судебного усмотрения в данном вопросе.*

In this paper, the author analyzes the essence and content of the concept of "force majeure" in accordance with the current legislation of the Russian Federation. The paper presents the positions of scholarly scholars on the issue under consideration and analyzes case law related to the application of force majeure provisions. Based on these findings, the author concludes that specific criteria for classifying certain circumstances as force majeure need to be integrated into current civil legislation. Such legislative changes would limit judicial discretion in this matter.

Ключевые слова: обстоятельства непреодолимой силы, гражданская ответственность, форс-мажорные обстоятельства, принцип вины

Keywords: *force majeure, civil liability, force majeure, principle of fault*

Принцип вины не является новым для отечественного законодательства. Впервые он был задействован еще в рамках советского гражданского законодательства, в качестве отдельного принципа возникновения гражданско-правовой ответственности. При этом стоит отметить, что советский законодатель определял принцип вины в качестве «точки отсчета» возникновения гражданско-правовой ответственности.

В действующем же гражданском законодательстве, в ст. 1 ГК РФ [1], посвященной основным началам гражданского законодательства России, нет отдельных указаний на принцип вины, как основания для возникновения гражданско-правовой ответственности или в ином значении. Отсутствие положений о вине в открывающих статьях Гражданского Кодекса РФ, во многом обусловлено тем, что в отечественном гражданском праве наличие вины — не всегда является обязательным предметом доказывания при рассмотрении спора.

Так в ряде случаев возникновения гражданско-правовой ответственности за нарушения договора имеет место и при отсутствии вины сторон по договору. В научной доктрине подобная ситуация отчасти объясняется тем, что законодатель фактически отошел от принципа ответственности за вину в отношении большей части существующих обязательств. Некоторыми авторами вообще делается вывод что законодатель постепенно «забывает» принцип «ответственности за вину», который в свою очередь является одним из фундаментальных принципов права в целом.

Что же касается случая, то на современном этапе развития отечественного гражданского права, его правовое значение трактуется шире, чем только лишь граница вины. Случай также рассматривается в качестве точки отсчета гражданско-правовой ответственности. Примечательно, что еще правоведы советского периода обращали внимание на то, что гражданско-правовая ответственность нередко возникает и при отсутствии вины правонарушителя. В частности, об этом в своих работах писал Е.А. Павлодский еще в 1978 г. [2, с.9–10].

В научной доктрине таким образом складывается непростая ситуация: ряд

авторов рассматривают субъективный случай или казус с одной стороны как границу вины в рамках нарушений договорных обязательств, а с другой - в качестве разграничителя с непреодолимой силой.

Что же касается непосредственно обстоятельств непреодолимой силы как одного из институтов отечественного гражданского законодательства, то какого-то их единого закреплённого в законе перечня не существует. На практике к таковым, как правило, принято относить те или иные погодные явления, общественные явления, военные действия, погодные аномалии и др. Важно чтобы обстоятельства «претендующие» на то, чтобы их признали обстоятельствами непреодолимой силы должны быть непредотвратимыми, чрезвычайными. Важно чтобы соблюдались именно оба критерия. К примеру, смена времен года является непредотвратимым обстоятельством, однако его нельзя назвать чрезвычайным, поскольку смена времен года происходит закономерно в одном и том же порядке. В целом же представляется возможным говорить, что непреодолимая сила как свойство обстоятельства, имеющее юридическое значение, носит относительный характер. так как п.3 ст. 401 ГК РФ относит к обстоятельствам непреодолимой силы [1], лишь те, которые относятся к чрезвычайным и непредотвратимыми данных условий, это относится к тому, что одно и то же обстоятельство может в одной ситуации играть роль как непреодолимая сила, а в других как обычной явление, играя препятствие исполнению обязательства.

Относительный характер непреодолимой силы может быть проиллюстрирован на примерах. Так, к примеру, предупреждение о шторме и последующий за ним реальный шторм в одних случаях может рассматриваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы: предупреждение о шторме было получено капитаном судно непосредственно в море, когда этот шторм уже начинал зарождаться. В подобной ситуации данное обстоятельство может рассматриваться в качестве обстоятельства непреодолимой силы. В случае же, если предупреждение о надвигающемся шторме было получено капитаном пока он вместе с судном находился в порту, но несмотря на предупреждение, все равно отправился в море, где его застиг шторм, говорить об обстоятельствах непреодолимой силы

не представляется верным.

Возвращаясь к ст.401 ГК РФ [1], анализ используемых в Кодексе формулировок позволяет говорить, что законодатель под «чрезвычайными» понимает именно непредсказуемые события, являющиеся чрезвычайными как по своей природе, так и по источнику происхождения, по масштабу. Важно, что элементу воли участников правоотношений в контексте возникновения обстоятельств непреодолимой силы отводится второстепенная роль. Непреодолимая сила не зависит от воли участников правоотношения и, как правило, исключает возможность её предвидения. Отсюда можно говорить, что люди своими непреодолимая сила как правило не связана с действиями лиц.

Возвращаясь к признаку непредотвратимости, следует отметить, что он носит «локальный характер». Другими словами, под непредотвратимым обстоятельством, понимается такое обстоятельство, которое не может быть предотвращено в конкретных условиях. При других условиях его вполне можно избежать. В данном направлении примечательна позиция Е.А. Павлодского, который рассматривал непредотвратимость исключительно в контексте реальных возможностей конкретного лица, его знаний, навыков умений, имеющейся у него информации и др. [2, с.22]. Безусловно такой подход предполагает, что при рассмотрении дел, в которых устанавливается факт наличия обстоятельств непреодолимой силы, перед правоприменителем будет стоять непростая задача-проанализировать и оценить реальное положение участника правоотношений в контексте его реальной возможности предотвратить те или иные события. Анализ материалов судебной практики позволяет говорить, что отнесение события к данной категории происходит по усмотрению суда, который делает это, опираясь на нормы гражданского законодательства.

В частности, в деле № А40- 25926/2011-13-230 правоприменителями было остановлено, что уничтожение имущества, переданного на хранение банку, в результате пожара в соседнем здании было непредотвратимым обстоятельством, в частности не было возможности повлиять на скорость и характер распространения огня. Судом при этом было отмечено то, что предпринимались различные

меры к тушению пожара, однако таких мер было недостаточно для того, чтобы ограничить площадь возгорания и не допустить распространение огня на соседние здания. В том числе на банковское хранилище, где и находилось уничтоженное имущество. Учитывая обстоятельства дела, в частности информацию из материалов МЧС, в соответствии с которой пожару была присвоена четвертая степень, суд пришел к выводу что в данном конкретном случае, пожар может быть признан обстоятельством непреодолимой силы-п. 3 ст. 401 ГК РФ [1]. Однако данный пример скорее можно считать исключением из правил. В целом Президиум ВАС РФ в своем Постановлении от 21.06.2022 № 3352/22 [7], указал, что обстоятельствами непреодолимо силы следует признавать именно исключительные случаи. Не допускается квалификация в качестве обстоятельств непреодолимой силы любого жизненного факта, который обладает признаком объективной неотвратимости.

Здесь важно подчеркнуть, что обозначение в договоре того или иного обстоятельства в качестве обстоятельства непреодолимой силы не означает, что в случае возникновения судебного спора по данному договору, суд признает данное обстоятельство обстоятельством непреодолимой силы. В каждом отдельно взятом деле, суд решает вопрос о возможности отнесения тех или иных обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы. При принятии окончательного решения суд исходит из того, обладало ли рассматриваемое обстоятельство признаками чрезвычайности и непредотвратимой конкретно в тех условиях, которые имели место. Суд решает, была ли у сторон спора реальная возможность оказать влияние на сложившуюся ситуацию.

Рассмотрим пример из судебной практики. Так Верховный Суд РФ, в своем определении 303-ЭС19-5226 признает в качестве обстоятельства непреодолимой силы штормовую погоду [8]. Однако в рамках рассмотрения дела, суд указывал на то, что у сторон разбирательства была реальная возможность избежать неблагоприятных последствий от шторма и предотвратить затопление имущества, если бы они более ответственно подошли к своей работе по организации морской перевозки имущества. Однако возможность точного предвидения событий

отсутствовала, штормовая погода, повлекшая уничтожение имущества, была признана обстоятельством непреодолимой силы. Однако вывод суда по данному делу не следует рассматривать в качестве универсального ориентира. В других условиях суд мог бы отказать в признании штормовой погоды в качестве обстоятельства непреодолимой силы.

При рассмотрении гражданско-правовых дел необходимо обращать особое внимание на время года, особенности климата на той или иной территории. Это позволит определить являются те или иные, к примеру, погодные явления исключительными для соответствующей местности, или же их появление является вполне закономерным. Во втором случае их признание обстоятельствами непреодолимой силы будет неверным.

Общий анализ материалов правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что, при рассмотрении гражданско-правовых дел, правоприменители как правило относят к обстоятельствам непреодолимой силы только такие явления, которые являются исключительными для определенных условий. Что касается действий органов власти, то они редко признаются судами в качестве обстоятельств непреодолимой силы. Отсюда видится целесообразным законодательное закрепление основных критериев отнесения тех или иных обстоятельств к обстоятельствам непреодолимой силы. Интеграция в действующее законодательство подобного рода критериев позволит частично унифицировать судебную практику, уменьшить число обжалований принятых судом решений и др.

Список литературы

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2025) / Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Павлодский Е.А. Случай и непреодолимая сила гражданском праве. - М. -2019. - 84 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М. - 1995. - 135 с.

4. Агарков М.М. Вопросы советского гражданского права: Сб. 1 - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. - 1945. - 117 с.
5. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). - М.: Инфотропик Медиа – 2022.
6. Васильев Е. А, Комаров А. С. Гражданское и торговое право зарубежных государств. - М. - 2021. - 183 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2019 № 303-ЭС19-15254 по делу № А04-327/2019/
8. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2022 № 3352/22 по делу № А40-25926/2021

УДК 347.23

ОСОБЕННОСТИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ КАК ВИДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Чевычелов Эдуард Сергеевич

магистрант

АНО ВО «Институт деловой карьеры»,

город Москва

***Аннотация.** В рамках настоящей работы исследуется институт доказывания в рамках гражданского судопроизводства. Особый акцент автор делает на свидетельских показаниях, как одном из самых распространенных видов доказательств в гражданском процессе. Практика примирения данного института в свою очередь свидетельствует о наличии ряда спорных моментов в использовании свидетельских показаний как доказательств по делу.*

Within the framework of this work, the institute of evidence in the framework of civil proceedings is being investigated. The author places special emphasis on witness testimony, as one of the most common types of evidence in civil proceedings. The practice of using this institution, in turn, indicates the presence of a number of controversial points in the use of witness testimony as evidence in the case.

Ключевые слова: гражданский процесс, процесс доказывания, свидетельские показания, сбор доказательств

Keywords: civil procedure, proof process, witness testimony, evidence collection

Совершенствование механизмов гражданского процессуального регулирования традиционно рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений развития судебной системы Российской Федерации. Гражданские споры являются самой распространенной категорией споров и как следствие именно

они формируют основную нагрузку на судебную систему Российской Федерации. В свою очередь ключевое значение в рамках рассмотрения и разрешения гражданских споров является институт доказывания. Именно от того насколько полно и последовательно урегулирован процесс доказывания напрямую зависит эффективность процедур рассмотрения и разрешения гражданских дел. Именно посредством доказательственной деятельности обеспечивается защита прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и публично-правовых образований.

Другими словами, институт доказательств (доказывания) занимает центральное место в гражданском судопроизводстве. Судебное решение основывается исключительно на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании и признаны допустимыми и относимыми. В рамках судебного разбирательства происходит трансформация субъективных утверждений сторон в юридически значимые факты, подтверждённые совокупностью доказательств.

Для эффективного функционирования системы правосудия особое значение имеет формирование стройной системы процессуальных средств доказывания, а также регламентация порядка их представления, исследования и оценки. Что касается непосредственно законодательного регулирования процесса доказывания в гражданском процессе, то перечень источников доказательственной информации, а также определение правил допустимости доказательств содержится в ст. 55 ГПК РФ [1].

В соответствии с действующим гражданским процессуальным законодательством доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон. К числу таких средств доказывания относятся: – объяснения сторон и третьих лиц;

- показания свидетелей;
- письменные и вещественные доказательства;
- аудио- и видеозаписи;

- заключения экспертов;
- консультации специалистов.

Таким образом, свидетельские показания представляют собой лишь один из элементов сложной системы доказательств, хотя на практике они используются достаточно часто. В рамках настоящей работы особое внимание будет уделено именно свидетельским показаниям как одному из основных видов доказательств в гражданском процессе.

Сам институт свидетельских показаний имеет глубокие исторические корни. Представляется возможным говорить, что именно свидетельские показания являются одним из первых видов доказательств, используемых в рамках судебного разбирательства. В древнерусском праве существовали такие категории лиц, как «видоки» и «послухи». Первые являлись очевидцами событий, вторые передавали услышанную информацию. В дальнейшем данные понятия трансформировались в единый процессуальный статус свидетеля [2, с. 44].

Согласно современному законодательству, свидетелем признаётся лицо, которому могут быть известны сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела. При этом для признания лица свидетелем важно, чтобы такое лицо указало источник своей осведомленности об обстоятельствах дела. Статус свидетеля также предполагает определенные риски. В частности, свидетель предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, что подчёркивает публично-правовой характер его процессуального положения.

На сегодняшний день в рамках научной доктрины до сих пор не теряет актуальности вопрос о заинтересованности свидетеля в исходе дела. Так одна группа ученых и исследователей указывают на отсутствие у свидетеля юридической заинтересованности в исходе дела, поскольку свидетель не является участников материального правоотношения. Однако в практике разрешения гражданских споров нередки ситуации, когда в качестве свидетеля выступают родственники или близкие лица одной из сторон разбирательства. Подобное обстоятельство объективно влияет на оценку таких показаний свидетелей судом.

Общий анализ судебной практики свидетельствует о том, что наличие

факта заинтересованности свидетеля может оказать существенное влияние на доказательственное значение свидетельских показаний. Так, к примеру, в делах о возмещении вреда правоприменителями нередко критически оцениваются показания близких родственников сторон. Суды указывая на их возможную субъективность. При этом стоит отметить, что сам по себе факт родственных или иных связей не является безусловным основанием для отказа в допросе лица в качестве свидетеля — оценка осуществляется в совокупности с другими доказательствами [3].

Вопрос заинтересованности тесно связан с проблемой достоверности показаний. Действующее гражданско-процессуальное законодательство возлагает на свидетеля обязанность сообщать суду исключительно правдивые сведения. (ч. 1 ст. 70 ГПК РФ) [1]. При этом какие-либо четкие критерии такой правдивости отсутствуют, и правдивость зачатую может носить частично «субъективный характер». Большое значение имеет субъективное восприятие свидетелем тех или иных обстоятельств дела. Особенности такого восприятия могут привести к тому, что объективно ложная информация воспринимается свидетелем в качестве истинной. В этой связи следует разграничивать объективность и субъективную искренность показаний: свидетель может добросовестно заблуждаться, что влияет на оценку его показаний судом.

Важно подчеркнуть, что ни одно доказательство не имеет для суда заранее установленной силы. Показания свидетеля подлежат оценке наравне с иными доказательствами. В этом аспекте особую роль играют письменные доказательства (договоры, акты, переписка), которые фиксируют информацию в объективированной форме и нередко обладают большей степенью устойчивости. Заключение эксперта используется в случаях, когда для установления обстоятельств необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла. В отличие от свидетеля, эксперт не сообщает сведения о фактах прошлого, а формулирует профессиональное мнение на основе проведенного исследования.

Объяснения сторон и третьих лиц также относятся к доказательствам, однако законодатель не предусматривает для них уголовной ответственности за

недостоверность сведений. Это отличает их от свидетельских показаний и влияет на оценку судом. Вещественные доказательства и аудио- и видеозаписи обладают высокой степенью наглядности и позволяют воспроизвести обстоятельства дела непосредственно в судебном заседании.

В современных условиях возрастает значение электронных доказательств, включая переписку в мессенджерах, данные информационных систем, цифровые файлы. Их использование требует соблюдения правил допустимости и подтверждения подлинности.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что институт доказывания в гражданском процессе играет ключевую роль. В свою очередь одним из самых распространенных видов доказательств являются свидетельские показания. Свидетельские показания обладают рядом особенностей, связанных с субъективным характером восприятия информации и возможной заинтересованностью свидетеля. Эффективность их использования во многом зависит от оценки в совокупности с другими доказательствами.

Представляется, что дальнейшее развитие гражданского процессуального законодательства может быть направлено на уточнение критериев оценки достоверности свидетельских показаний, а также на более детальную регламентацию использования цифровых и электронных доказательств. Комплексный подход к доказательственной деятельности позволит повысить качество правосудия и обеспечить баланс интересов участников гражданского процесса.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) / Собрание законодательства РФ. – 2002. - №46. - Ст. 4532.
2. Молчанов В. В. Об ответственности в гражданском судопроизводстве / Арбитражный и гражданский процесс. - 2016. - № 10. - С. 28.
3. Апелляционное определение Курганского областного суда от 15.11.2018 по делу № 33–3545/2018 / СПС Консультант Плюс.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.2:159.922.7

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ДЕТЕЙ В ДЕТСКИХ САДАХ КИТАЯ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Ди Юньтин

аспирант

Московский педагогический государственный университет,
город Москва

***Аннотация.** В статье представлен сравнительный анализ педагогических подходов к сохранению и укреплению психического здоровья детей дошкольного возраста в системе дошкольного образования Китая и России. Рассматривается роль дошкольной образовательной организации в формировании эмоционального благополучия, навыков социального взаимодействия, эмоциональной саморегуляции и устойчивости ребенка. Анализируются современные нормативные и педагогические подходы двух стран, а также значение профессиональной компетентности воспитателей, взаимодействия с семьей, развивающей образовательной среды и раннего выявления эмоциональных и поведенческих трудностей. Показано, что российская и китайская системы при наличии различий постепенно переходят от преимущественно коррекционной модели к комплексной профилактической модели психолого-педагогической поддержки. Сделан вывод о целесообразности сочетания национальных педагогических традиций с доказательными практиками эмоционального развития и психосоциальной поддержки детей.*

The article presents a comparative analysis of pedagogical approaches to maintaining and promoting the mental health of preschool children in the early childhood

education systems of China and Russia. Particular attention is paid to the role of preschool institutions in developing emotional well-being, social interaction skills, emotional self-regulation, and psychological resilience. Contemporary educational and regulatory approaches in both countries are examined, with a focus on teacher competence, family involvement, supportive educational environments, and early identification of emotional and behavioral difficulties. The analysis demonstrates that despite significant differences, the Chinese and Russian systems are gradually moving from predominantly corrective practices toward comprehensive preventive models of psychological and pedagogical support. The study concludes that combining national educational traditions with evidence-based approaches to emotional development and psychosocial support can contribute to more effective protection of preschool children's mental health.

Ключевые слова: *психическое здоровье, дошкольное образование, детский сад, дошкольники, эмоциональное благополучие, психологическая поддержка, Китай, Россия, педагогические подходы, воспитатель*

Keywords: *mental health, preschool education, kindergarten, preschool children, emotional well-being, psychological support, China, Russia, pedagogical approaches, preschool teacher*

Психическое здоровье ребенка дошкольного возраста является одним из важнейших условий его полноценного физического, эмоционального, социального и интеллектуального развития. Современное понимание психического здоровья детей выходит за пределы отсутствия психических расстройств и включает способность ребенка устанавливать отношения с окружающими, выражать и регулировать эмоции, адаптироваться к новым ситуациям, участвовать в игре и образовательной деятельности. ВОЗ и ЮНИСЕФ рассматривают раннее детство как критически важный период формирования долгосрочного благополучия, подчеркивая значение безопасной среды, отзывчивого взаимодействия взрослых с ребенком, раннего обучения и поддержки психического здоровья родителей и других лиц, осуществляющих уход [1; 2].

В этой связи детский сад становится не только пространством обучения и

социализации, но и важным институтом профилактики эмоциональных и поведенческих трудностей. Педагогическая среда непосредственно влияет на переживание ребенком безопасности, принадлежности и эмоциональной поддержки. Особенно значимым является качество отношений между воспитателем и ребенком, поскольку дошкольник еще не обладает достаточными ресурсами для самостоятельной регуляции эмоционального состояния. Международные рекомендации в области раннего развития подчеркивают необходимость объединения образовательных, социальных и психосоциальных компонентов помощи ребенку [1].

В Китае развитие системы психического здоровья детей дошкольного возраста происходит на фоне активного усиления внимания государства к психологическому благополучию обучающихся. Существенное значение имеет включение психического здоровья в более широкую систему воспитания и образования. В китайской педагогической практике большое внимание уделяется формированию положительных психологических качеств, социальной адаптации, коллективной деятельности, развитию дисциплины и способности ребенка взаимодействовать с другими детьми. Вместе с тем современные исследования демонстрируют необходимость дальнейшего развития психологической компетентности воспитателей. Исследование, проведенное среди 614 педагогов дошкольного образования в юго-западном Китае, показало распространенность психологического дистресса среди значительной части респондентов и одновременно выявило положительную связь между прохождением обучения по вопросам психического здоровья и более благоприятными показателями психологического состояния педагогов [3].

Данный аспект имеет принципиальное значение, поскольку психологическое состояние воспитателя непосредственно связано с качеством педагогического взаимодействия. Эмоционально истощенный педагог испытывает больше трудностей при поддержании спокойной и принимающей атмосферы в группе. Следовательно, китайская система нуждается не только в программах психологического сопровождения детей, но и в систематической подготовке педагогов к

распознаванию эмоциональных трудностей, профилактике профессионального выгорания и использованию методов позитивного взаимодействия.

Дополнительные данные о состоянии психического здоровья дошкольников в Китае были получены в исследовании детей Шанхая в период пандемийных ограничений. Обследование 2110 детей дошкольного возраста выявило увеличение некоторых эмоциональных и поведенческих трудностей, включая проблемы поведения и взаимодействия со сверстниками. Исследователи также установили связь между недостаточной продолжительностью сна и повышенным риском психических проблем [4]. Это подтверждает необходимость рассматривать психическое здоровье дошкольника комплексно: не изолированно от образовательного процесса, а в связи с режимом дня, физической активностью, семейными отношениями, социальным окружением и характером педагогического взаимодействия.

В российской системе дошкольного образования психолого-педагогическое сопровождение также постепенно приобретает системный характер. Федеральная образовательная программа дошкольного образования, утвержденная приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 1028, устанавливает единые требования к содержанию и результатам дошкольного образования [5]. Современная концепция развития дошкольного образования России дополнительно ориентирована на создание безопасной образовательной среды, сохранение и укрепление физического и психического здоровья и обеспечение эмоционального благополучия детей [6].

Особое значение в российской системе имеет психолого-педагогическое сопровождение, включающее профилактику, диагностику, консультирование, коррекционно-развивающую работу и взаимодействие с родителями. Такой подход позволяет рассматривать трудности ребенка не как исключительно индивидуальную проблему, а как результат взаимодействия различных факторов образовательной и семейной среды. Важной особенностью современной российской модели является стремление интегрировать психологическую поддержку в общую образовательную деятельность, не противопоставляя ее воспитательным и

развивающим задачам.

Показательно, что исследование психологического благополучия 2135 воспитателей дошкольных образовательных организаций из 79 регионов России продемонстрировало значимость характеристик профессиональной деятельности и личностных факторов для состояния педагогов [7]. Это позволяет провести содержательную параллель с китайскими исследованиями: в обеих странах психологическое благополучие самого педагога выступает существенным компонентом качества образовательной среды.

Сравнение китайского и российского подходов показывает наличие как общих, так и специфических характеристик. Общим является признание необходимости ранней профилактики психологических проблем, формирования эмоционального благополучия и социальной компетентности, а также повышения роли семьи и педагогов. Обе системы постепенно отходят от представления о психологической помощи как исключительно специализированной деятельности психолога. Ответственность за создание благоприятной среды все в большей степени рассматривается как общая задача воспитателей, администрации, специалистов и родителей.

Различия проявляются прежде всего в организационно-культурных акцентах. Китайская педагогическая традиция в большей степени ориентирована на коллективное взаимодействие, социальную адаптацию, соблюдение правил и формирование позитивных личностных качеств в группе. Российская модель в нормативном отношении более отчетливо фиксирует систему психолого-педагогического сопровождения, диагностики, индивидуализации и взаимодействия различных специалистов. При этом обе модели испытывают общие проблемы: необходимость повышения психологической компетентности педагогов, предупреждения профессионального выгорания, раннего выявления эмоциональных трудностей и укрепления сотрудничества с родителями.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что эффективная система охраны психического здоровья дошкольников должна строиться не на единичных коррекционных мероприятиях, а на постоянном создании эмоционально

безопасной и развивающей среды. Китайский опыт демонстрирует значимость коллективной организации деятельности, профилактической работы и повышения психологической грамотности воспитателей, тогда как российский опыт представляет интерес с точки зрения институционализации психолого-педагогического сопровождения и интеграции вопросов эмоционального благополучия в образовательную программу. Перспективным направлением для обеих стран является развитие комплексной модели, объединяющей раннее наблюдение за эмоциональным состоянием ребенка, позитивное педагогическое взаимодействие, поддержку семьи, повышение компетентности воспитателей и междисциплинарное сопровождение детей с повышенными потребностями. Такой подход соответствует современному международному пониманию раннего детства как фундаментального этапа формирования психического здоровья и жизненного благополучия человека [1; 2].

Список литературы

1. World Health Organization. Framework on Early Childhood Development in the WHO European Region. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2022.
2. UNICEF. Global Annual Results Report 2023: Mental Health. For every child, mental health & psychosocial wellbeing. New York: UNICEF, 2024.
3. Yu Y., Wu T., Gao J. et al. Do preschool teachers in Southwest China need more mental health education? An online cross-sectional survey 1 year after the COVID-19 pandemic / *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 907838. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.907838.
4. Ma C.-H., Jiang L., Chu L.-T. et al. Mental health problems of preschool children during the COVID-19 home quarantine: A cross-sectional study in Shanghai, China / *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article 1032244. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1032244.
5. Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования: приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25.11.2022 № 1028. Официальное опубликование правовых актов. 2022.

6. Министерство просвещения Российской Федерации. Концепция развития дошкольного образования на период до 2030 года. М., 2023.

УДК 37.022**РОЛЬ КОНТЕКСТА В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА****Загибова Макка Аслановна**

магистрант

Научный руководитель: Хакиева Залиха Усмановна,

к.ф.н., доцент

**ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
(ЧГПУ), город Грозный**

***Аннотация.** Статья рассматривает контекст как ключевой механизм смыслопорождения в педагогическом дискурсе на материале преподавания английского языка в российской школе. Работа анализирует, каким образом ситуативные, социокультурные и институциональные рамки урока трансформируют буквальное содержание высказывания учителя и учебного текста в педагогически значимый смысл. Особое внимание уделяется коммуникативному подходу, требованиям федеральных государственных образовательных стандартов и роли невербальных, визуальных элементов дискурса. Новизна работы состоит в попытке связать теорию контекстуализации с конкретной предметной практикой – уроком иностранного языка, где контекст выполняет одновременно лингвистическую и воспитательную функцию. Делается вывод о необходимости системного учета контекстных факторов при подготовке учителей английского языка.*

***Annotation.** The article examines context as a key mechanism of meaning-making in pedagogical discourse based on English language teaching in Russian schools. The author analyzes how situational, sociocultural, and institutional frameworks of a lesson transform the literal content of a teacher's utterance and educational text into*

pedagogically significant meaning. Special attention is given to the communicative approach, federal state educational standards requirements, and the role of non-verbal and visual discourse elements. The novelty lies in linking contextualization theory with the specific subject practice of a foreign language lesson, where context performs both linguistic and educational functions. The article concludes that context-related factors must be systematically considered in training English language teachers.

Ключевые слова: педагогический дискурс, контекст, смыслообразование, английский язык, коммуникативный подход, ФГОС, лингводидактика

Keywords: pedagogical discourse, context, meaning-making, English language, communicative approach, federal state educational standard, linguodidactics

Смысл фразы учителя «Open your books, please» на уроке в пятом классе гимназии и та же фраза, произнесенная на курсах подготовки к международному экзамену, различаются далеко не только интонацией. Формально это одно и то же высказывание, лексически и грамматически идентичное. Но педагогический дискурс устроен так, что значение рождается не из слов самих по себе, а из их встроенности в конкретную ситуацию общения – кто говорит, кому, зачем, в каких институциональных условиях и с какой culture-specific целью. Этот тезис не нов для лингвистики дискурса, однако применительно к предмету «Английский язык» в российской школе он приобретает особую остроту: здесь смысловая нагрузка контекста удваивается за счет межкультурного зазора между изучаемым языком и родной образовательной средой.

Педагогический дискурс традиционно описывается как институциональный тип коммуникации, где статусно-ролевые позиции участников заданы заранее и мало подвержены пересмотру в рамках одного занятия. Характер интеллектуального взаимодействия здесь напрямую зависит от коммуникативно-прагматического контекста, который образуют субъекты взаимодействия, предмет сообщения, время и место действия, канал связи и социальные роли говорящих [3]. Иначе говоря, контекст не сопровождает смысл – он его формирует, задает рамку допустимых интерпретаций конкретного высказывания.

На уроке английского языка эта рамка усложняется многократно. Учитель

удерживает одновременно несколько контекстных пластов: институциональный (урок как элемент образовательной программы), лингводидактический (грамматическая или коммуникативная задача момента) и социокультурный (реалии англоязычного мира, которые вводятся через тексты, диалоги, аудиоматериалы). Ученик десятого класса, разбирающий диалог о британском парламенте, воспринимает информацию не в вакууме – он накладывает ее на собственный опыт знания родного языка, и без учителя-медиатора эта накладка может привести к смысловым искажениям, а не к обогащению картины мира.

Подобная многослойность контекста характерна не только для английского языка среди школьных предметов, ее в разной степени переживает любая гуманитарная дисциплина. Но у иностранного языка есть специфика – сам предмет изучения является одновременно и языком описания, и объектом описания, что создает своеобразную рекурсию смыслов, которую редко встретишь на уроках математики или физики.

Семиотический ракурс, применяемый рядом исследователей к анализу образовательных практик, позволяет увидеть искусственный интеллект и учебные технологии как формы усиления дискурсивной силы мышления учащихся, что подчеркивает зависимость итогового смысла от выбранного канала и способа подачи материала [2]. Применительно к уроку английского языка это означает, что даже цифровой инструмент – интерактивная доска, приложение для отработки лексики, чат-бот для практики диалога – не является нейтральным носителем информации. Он сам становится частью контекста, меняющей восприятие языкового материала учеником.

Коммуникативная методика, доминирующая в российском школьном преподавании иностранных языков с конца двести лет, изначально строилась как ответ на контекстную бедность грамматико-переводного метода. Преподнесение методики использовали упражнения, не учитывающие контекст, полагая, что многократное повторение правильных структур автоматически формирует навык; коммуникативный подход, напротив, фокусируется на взаимодействии участников общения и осознании вариантов развития разговора, а не только на

правильности структур. Такой перенос акцента – с формы на функцию – по сути есть контекстуализация обучения: язык изучается не как система правил, а как инструмент решения конкретной коммуникативной задачи в конкретной ситуации.

Действующие методические рекомендации по предмету «Иностранный язык» на 2025/2026 учебный год фиксируют, что предметные результаты обучения английскому языку в старших классах предполагают количественный и качественный прирост иноязычных и социокультурных знаний, включающий лексический, страноведческий и общекультурный компоненты [1]. Формулировка примечательна тем, что социокультурный компонент здесь выделен отдельно от чисто языкового – составители стандарта явно осознают: без контекста культуры высказывание на английском остается набором грамматически верных, но смыслово пустых конструкций.

На практике контекст английского языка балансирует между стандартизированным содержанием учебника и живой, часто непредсказуемой контекстной реакцией обстоятельств.

Важно отметить роль невербального, визуального слой педагогического дискурса, который на уроке английского языка выполняет функцию, сопоставимую с вербальным текстом. Исследователи визуальной метафорики в образовательной коммуникации подчеркивают, что визуальный образ способен передать смысл, ускользающий при чисто вербальной репрезентации, и одновременно усиливает воздействующий эффект педагогического сообщения [5]. Ментальные карты, инфографика, мудборды с культурными реалиями Великобритании или США – все это не иллюстрация к тексту, а самостоятельный контекстный слой, без которого смысл учебного материала оказывается неполным.

Практика показывает и обратную сторону вопроса. Избыточная визуализация без опоры на реальную коммуникативную задачу нередко превращается в развлекательный довесок к уроку, отвлекающий внимание от языковой формы. Здесь картина неоднородная: в одних школах визуальный ряд органично встроен в контекст занятия, в других существует параллельно ему, почти не пересекаясь

с содержательной логикой урока.

Учителя, работающие по коммуникативной методике, отмечают, что развитие навыка говорения способно занимать до семидесяти процентов урочного времени, и именно через говорение снимается психологический барьер перед иностранной речью [21]. Впрочем, доля устной практики сама по себе не гарантирует глубины смыслообразования – важно, какой контекст задается для этой практики. Диалог «на отработку» фразовых глаголов и диалог, встроенный в реальную коммуникативную ситуацию (например, обсуждение планов на выходные с элементом спора), формируют качественно разные образовательные смыслы, хотя внешне могут выглядеть похоже.

Можно заметить своеобразный парадокс: чем более жестко стандартизирован учебный материал, тем острее становится потребность в контекстной адаптации учителя. Примерные программы задают обязательный лексико-грамматический минимум, но не могут предугадать, с каким культурным багажом придет конкретный класс сельской школы Псковской области или гимназии с углубленным изучением языка в Казани. Разница в стартовых контекстах учащихся – социальных, региональных, языковых – заставляет педагога постоянно перенастраивать смысловую подачу одного и того же материала.

Задача осмысленной контекстуализации в этом случае целиком перекладывается на педагога, который должен восполнить культурный разрыв без прямой методической поддержки со стороны учебного комплекса. Практика, впрочем, демонстрирует и позитивные примеры – ряд учителей самостоятельно разрабатывают модули сопоставительного страноведения, где английские и российские традиции анализируются параллельно, что снимает часть указанного напряжения.

Перспектива развития видится в нескольких направлениях: - усиление подготовки учителей английского языка в области дискурсивного анализа, чтобы педагог осознанно управлял контекстными рамками занятия, а не действовал интуитивно; - разработка учебных материалов с встроенным российским культурным комментарием, снижающим риск смыслового разрыва при работе с

аутентичными англоязычными текстами; - более гибкое использование цифровых инструментов, которые позволяют быстро адаптировать контекст урока под конкретную аудиторию, не дожидаясь обновления печатных УМК.

Ни одно из этих направлений не решает проблему полностью и сразу. Контекст по природе своей текуч, ситуативен, плохо поддается окончательной методической фиксации – и в этом смысле разговор о контекстуализации педагогического дискурса, вероятно, обречен оставаться открытым еще долгое время.

Контекст в педагогическом дискурсе английского языка выступает не дополнительным украшением урока, а системообразующим механизмом, без которого языковой материал остается набором формальных конструкций. Институциональные рамки занятия, коммуникативная задача момента, культурный фон изучаемого языка и визуально-невербальный слой сообщения совместно формируют тот смысл, который ученик выносит из конкретного урока – причем один и тот же учебный материал способен порождать существенно различающиеся смысловые эффекты в зависимости от контекстной подачи.

Практическая значимость проведенного рассмотрения состоит в том, что оно фиксирует зазор между стандартизированным содержанием учебных программ и реальной контекстной множественностью российских школ – зазор, который на сегодняшний день закрывается преимущественно за счет личной методической гибкости учителя, а не за счет системной поддержки со стороны учебных комплексов. Федеральные образовательные стандарты декларируют необходимость социокультурной и деятельностной составляющей обучения, однако конкретные механизмы контекстуализации остаются во многом делом индивидуальной педагогической практики.

Дальнейшие исследования, на наш взгляд, целесообразно направить на эмпирическое изучение того, как конкретные учителя английского языка в разных регионах страны фактически осуществляют контекстуализацию учебного материала – через сравнительный анализ конспектов уроков, видеозаписей занятий и опросов самих педагогов. Такой эмпирический разворот темы позволил бы перевести разговор о роли контекста из плоскости общей теории дискурса в

плоскость конкретных методических рекомендаций для подготовки будущих учителей английского языка.

Список литературы

1. Иностранный язык: методические рекомендации к преподаванию учебного предмета в 2025/2026 учебном году. Институт стратегии развития образования. URL: <https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/08/inostrannyj-yazyk.pdf> (дата обращения: 04.08.2026.).
2. Куликов С.Б. Философский фикционализм и проблема искусственного интеллекта / Философия образования. 2015. Т. 10. № 2. DOI: 10.17726/phillT.2015.10.2.811.93. URL: <https://arxiv.org/pdf/1602.07259> (дата обращения: 04.08.2026.).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утв. Приказом Минпросвещения России от 31.05.2021 № 287. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/ (дата обращения: 04.08.2026.).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования: утв. Приказом Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131/ (дата обращения: 04.08.2026.).
5. Чулкина Н.Л., Макашова В.В. Визуальные метафоры в педагогическом дискурсе / Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 15. № 1. С. 211-231. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-211-231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-metafory-v-pedagogicheskom-diskurse> (дата обращения: 04.08.2026.).

УДК 37.022

**СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И
ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Загибова Макка Аслановна

магистрант

Научный руководитель: Хакиева Залиха Усмановна,

к.ф.н., доцент

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
(ЧГПУ), город Грозный

***Аннотация.** Статья посвящена анализу структурных компонентов педагогического общения – перцептивного, коммуникативного, интерактивного и эмоционально-регулятивного – и их роли в формировании эффективного образовательного взаимодействия. Рассматриваются вербальные и невербальные средства трансляции информации, стилевые модели поведения педагога, а также барьеры, снижающие результативность коммуникации в учебной аудитории. Особое внимание уделено соотношению структурных элементов с показателями психологического климата и учебной мотивации обучающихся. Новизна работы заключается в систематизации разрозненных теоретических подходов и выявлении практических механизмов оптимизации коммуникативной деятельности педагога в условиях цифровизации образовательной среды.*

***Annotation.** The article examines the structural components of pedagogical communication – perceptual, communicative, interactive and emotional-regulatory – and their role in shaping effective educational interaction. Verbal and nonverbal means of information transfer, teacher behavioral styles, and communication barriers that reduce classroom effectiveness are analyzed. Particular attention is given to the*

correlation between structural elements and indicators of psychological climate and learning motivation. The novelty of the study lies in systematizing fragmented theoretical approaches and identifying practical mechanisms for optimizing teachers' communicative activity under conditions of educational digitalization. The material is intended for teachers, methodologists and researchers in pedagogical psychology.

Ключевые слова: педагогическое общение, коммуникативная компетентность, структурные компоненты общения, стиль педагогического взаимодействия, невербальная коммуникация, барьеры общения, эффективность обучения

Keywords: pedagogical communication, communicative competence, structural components of communication, style of pedagogical interaction, nonverbal communication, communication barriers, teaching effectiveness

Учитель произносит за урок сотни фраз, но результативность урока определяется не их числом, а тем, как выстроена коммуникативная архитектура взаимодействия. Педагогическое общение традиционно определяется как «профессиональное общение преподавателя с учащимися на уроке или вне его... имеющее определенные педагогические функции и направленное... на создание благоприятного психологического климата, оптимизацию учебной деятельности и отношения между педагогом и учащимся внутри ученического коллектива». Это определение, восходящее к работам А.А. Леонтьева, фиксирует принципиальную многослойность феномена: коммуникация здесь не сводится к передаче сведений, а превращается в инструмент управления образовательным процессом.

Структурный анализ педагогического общения обычно выделяет несколько взаимосвязанных компонентов. Исследователи, обращающиеся к диагностике проблем педагогического взаимодействия в современной школе, фиксируют деятельностный, психологический и информационный компоненты, реализующиеся в открытой образовательной среде [1]. Отдельно в структуре педагогического общения выделяется его функция как обмена информацией, как взаимодействия в системе «педагог – обучающийся» и как эмоционального фона всего образовательного процесса [7]. Три этих измерения редко работают синхронно – на практике перевес одного компонента над другими нередко и

порождает те самые сбои коммуникации, которые методисты называют затруднениями педагогического взаимодействия.

Показательно, что структурная неоднородность общения проявляется уже на уровне восприятия информации. По оценке ряда исследований невербальной коммуникации, педагог получает значительную часть сведений о намерениях и эмоциональном состоянии учащихся именно через интонации, позы, взгляды и манеру слушать, а не через содержание произносимых слов [31]. Возникает вопрос, который редко ставится прямо: если основной объем диагностически значимой информации проходит по невербальному каналу, почему педагогическая подготовка традиционно концентрируется преимущественно на вербальной технике?

Классическая трехчастная модель педагогического общения включает перцептивную, интерактивную и коммуникативную стороны, причем каждая выполняет собственную функцию и не подменяет остальные.

Перцептивный компонент отвечает за адекватность восприятия и понимания ученика как личности; ключевую роль здесь играют рефлексивно-перцептивные умения педагога, включающие познание собственных особенностей и способность точно интерпретировать поведенческие сигналы обучающихся [37]. Интерактивная составляющая связана с взаимовлиянием педагога и ученика в процессе совместной деятельности, с обменом действиями и планированием общей работы [37]. Коммуникативная сторона традиционно понимается как непосредственный обмен информацией познавательного и аффективно-оценочного характера [31].

Собственно, разграничение — это во многом искусственно — в реальном уроке все три пласта переплетены настолько плотно, что вычленить, где заканчивается перцепция и начинается интеракция, практически невозможно. Тем не менее аналитическая ценность модели сохраняется: она позволяет диагностировать, на каком именно уровне произошел сбой, если урок получился коммуникативно неудачным.

Стилевая организация общения добавляет к этой структуре еще одно

измерение. В работах, посвященных многомерности стилей педагогического общения, выделяется стимулирующе-мотивационный компонент деятельности педагога, описываемый через биполярную пару «директивность управления – делегирование функций», и контрольно-регулирующий компонент, распределяющий стили между полюсами «непрерывность контроля – точечность контроля» [6]. Иными словами, стиль – это не отдельный элемент структуры, а способ настройки уже существующих компонентов друг относительно друга.

Ниже приведено упрощенное сопоставление стилевых моделей и их типичного влияния на коммуникативный климат аудитории (таблица 1).

Таблица 1 – Силевые модели

Стилъ общення	Доминирующий компонент	Типичное влияние на эффективность
Авторитарный	Интерактивный (контроль)	Снижает инициативность учащихся, повышает дисциплину краткосрочно
Демократический	Перцептивный и коммуникативный в равновесии	Способствует устойчивой мотивации, требует больше времени педагога
Попустительский	Слабая выраженность всех компонентов	Снижает управляемость процесса, повышает тревожность части учащихся

Авторитарный стиль, как отмечается в исследованиях коммуникативной компетентности педагога, менее эффективен именно потому, что не способствует развитию личности ученика, несмотря на видимость дисциплинарного порядка [37]. Здесь стоит сделать оговорку: краткосрочные образовательные результаты при авторитарном стиле нередко оказываются не хуже, а иногда и выше демократического аналога – проблема проявляется в перспективе нескольких лет обучения, когда снижается самостоятельность мышления учащихся.

Вербальные и невербальные средства как инструмент реализации структуры.

Речевой канал остается ведущим средством педагогической коммуникации, но его эффективность ограничена психофизиологическими рамками восприятия. По данным ряда наблюдений за коммуникативным процессом, человек озвучивает лишь около восьмидесяти процентов от объема информации, который намеревался передать, собеседник воспринимает порядка семидесяти

процентов услышанного, понимает около шестидесяти, а спустя несколько часов в памяти удерживается от десяти до двадцати пяти процентов исходных данных [26]. Если эти пропорции верны хотя бы приблизительно, то любая методика, полагающаяся исключительно на словесное объяснение материала, обречена терять значительную часть образовательного эффекта уже на этапе восприятия – без учета дальнейшего забывания.

Невербальный канал компенсирует эти потери лишь частично, но именно он определяет, как воспринимается искренность и профессионализм педагога. Культура использования невербальных средств демонстрирует уровень педагогического мастерства и формирует профессиональный имидж преподавателя [27]. К числу навыков, отточенных у опытных педагогов, относят умение активизировать учащихся на познавательную деятельность, задавать вопросы, работать одновременно с отдельным учеником и целым классом, а также управлять собственным голосом, мимикой и движением [27].

Особенность педагогической работы, редко обсуждаемая в методической литературе, заключается в постоянном изменении дистанции общения – учитель то приближается к парте отстающего ученика, то возвращается к фронтальному объяснению у доски, и эта пространственная динамика требует немалого нервного напряжения от самого педагога [31]. Данное наблюдение подводит к вопросу, обычно остающемуся без прямого ответа в педагогических пособиях: насколько выгорание преподавателей связано именно с невербальной нагрузкой, а не только с объемом учебной документации?

Коммуникативная компетентность как интегральное качество личности педагога включает знания, умения и опыт, необходимые для эффективного взаимодействия с обучающимися, причем ее развитие связано с отказом от авторитарно-манипулятивной модели в пользу партнерской, диалогической позиции [33]. Развитие такой компетентности у преподавателей вузов, по наблюдениям специалистов в сфере повышения квалификации, требует осознания необходимости целенаправленной коррекции коммуникативного стиля и переосмысления сложившихся стереотипов восприятия [33].

Структура педагогического общения нарушается не сама по себе – деформацию вызывают конкретные барьеры, поддающиеся классификации. Психологические барьеры представляют собой результат неэффективного взаимодействия участников педагогического процесса, а их основная причина связана с препятствиями психологического и социального характера [23]. По данным диагностики эффективности педагогической коммуникации, около шестидесяти процентов педагогов демонстрируют средний уровень коммуникативной деятельности, проявляя недостаточную гибкость реагирования и слабую открытость к обратной связи [23].

Эта цифра заслуживает отдельного комментария. Средний уровень – не провальный результат, но и не показатель профессионального мастерства; фактически речь идет о зоне, где педагог формально выполняет коммуникативные функции, но не использует потенциал диалогового взаимодействия полностью. Эффективность педагогического воздействия в большинстве ситуаций напрямую зависит от умения преодолевать затруднения в общении, а не от изначального отсутствия таких затруднений [23].

Факторы успешного педагогического взаимодействия в системе «учитель – ученик» описываются через два взаимосвязанных компонента – педагогическое отношение и педагогическое общение, причем проблема оптимизации учебно-воспитательных задач напрямую связывается со специфической организацией этого взаимодействия в условиях личностно ориентированного обучения [12]. Разрыв между декларируемой ориентацией на субъектную позицию учащегося и реальной практикой директивного управления уроком остается одним из наиболее дискуссионных аспектов темы – формально признавая ценность диалога, значительная часть педагогов на практике сохраняет привычные авторитарные паттерны, воспроизводимые еще со времен собственного обучения.

Отдельного внимания заслуживает педагогический такт как структурообразующий фактор, компенсирующий недостатки коммуникативной техники. Спокойная уверенность и уравновешенность в общении учителя с учащимися, проявляющиеся через выдержку и самообладание, признаются существенными

компонентами устойчивости такта [16]. Доверие педагога к учащимся, создающее атмосферу доброжелательности во всех видах учебной деятельности, называется в числе ключевых составляющих этого качества [16]. Такт, впрочем, не заменяет структурную грамотность коммуникации – он скорее сглаживает ее шероховатости там, где сама технология общения выстроена недостаточно продуманно.

Совершенствование структуры педагогического общения предполагает работу сразу на нескольких уровнях, а не точечную коррекцию отдельных навыков. Технологический подход к педагогическому общению включает овладение многообразием приемов и форм взаимодействия, сочетание вербальных и невербальных средств, развитие рефлексии и эмпатийного восприятия воспитанника [25]. Важно, что стиль общения и руководства напрямую зависит от нравственных установок педагога, а не только от освоенной техники [25].

Практическая работа с профессиональным профилированием восприятия открывает дополнительные возможности. В исследованиях, посвященных визуальной психодиагностике в педагогической коммуникации, обосновывается интеграция техник профайлинга для повышения качества образовательного процесса в вузе, поскольку определяющая роль педагогического общения в образовании и воспитании требует обогащения новыми коммуникативными технологиями [11]. Насколько универсальны подобные технологии для школьного, а не только вузовского контекста – вопрос, требующий отдельной эмпирической проверки, поскольку возрастная специфика восприятия существенно меняет применимость методик профилирования.

Институциональная поддержка коммуникативного развития педагогов остается неравномерной. Развитие коммуникативной компетентности преподавателя вуза в системе повышения квалификации предполагает переход от ролевого взаимодействия к межличностному, освоение позиции партнерства и сотрудничества, а также гармонизацию компонентов педагогической деятельности [10]. Профессиональная и коммуникативная компетентность преподавателя высшей школы определяется совокупностью факторов – личностной

направленностью, локусом контроля, гибкостью и опытом работы со стилями общения [9]. Коммуникативная культура педагога описывается как культура его профессионально-педагогического общения с другими субъектами учебно-воспитательного процесса и включает совокупность знаний, умений и навыков для успешного осуществления коммуникативных процессов [4].

Диагностический мониторинг структурных компонентов взаимодействия способен выполнять превентивную функцию. Ефремова Е.С., рассматривая роль педагогического мониторинга в образовательной сфере, обосновывает необходимость его применения для своевременного выявления сущности и содержания коммуникативных процессов внутри образовательной системы [2]. Контент-анализ структурных компонентов, проведенный в рамках подобного мониторинга, позволяет выделять подходы к определению самого феномена педагогического взаимодействия задолго до того, как накопившиеся сбои проявятся в виде явного конфликта [2].

Компоненты педагогического процесса в целом выполняют определенную функцию и в совокупности обеспечивают целостность педагогической системы, причем нарушение или выпадение хотя бы одного из них приводит к снижению качества обучения и ослаблению управляемости всего процесса [15]. Современные педагогические технологии требуют гибкости и постоянного обновления, однако их вариативность возможна лишь при сохранении научной обоснованности и структурной завершенности коммуникативной модели [15]. Здесь картина неоднородная: одни образовательные организации активно внедряют цифровые инструменты обратной связи, компенсирующие ограниченность традиционного вербального канала, тогда как другие продолжают полагаться на устаревшие модели фронтального объяснения без учета перцептивной и эмоциональной составляющих взаимодействия.

Педагогическое общение представляет собой систему взаимосвязанных структурных элементов, среди которых перцептивный, коммуникативный, интерактивный и эмоционально-регулятивный компоненты не существуют изолированно, а работают в постоянном взаимодействии друг с другом.

Эффективность образовательного процесса определяется не преобладанием одного из компонентов, а сбалансированностью всей структуры – перекос в сторону контроля снижает мотивационный потенциал общения, а недостаточная перцептивная точность лишает педагога возможности своевременно корректировать стратегию взаимодействия.

Проведенный обзор показывает, что вербальный канал коммуникации ограничен объективными психофизиологическими рамками восприятия и запоминания, а значит, невербальные средства и стилевая гибкость приобретают не вспомогательное, а системообразующее значение. Барьеры общения, фиксируемые у значительной доли педагогов, преимущественно связаны не с отсутствием базовых коммуникативных навыков, а с недостаточной рефлексией собственного стиля и неготовностью к диалоговой перестройке привычных моделей поведения.

Практическая значимость представленного анализа заключается в возможности использования выделенных структурных критериев для диагностики коммуникативных затруднений на ранних этапах, до их перехода в устойчивый конфликт или снижение учебной мотивации. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение трансформации структурных компонентов педагогического общения в условиях гибридного и дистанционного обучения, где традиционные невербальные каналы существенно ограничены техническими рамками видеосвязи.

Список литературы

1. Диагностика проблем педагогического взаимодействия в современной школе / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-problem-pedagogicheskogo-vzaimodeystviya-v-sovremennoy-shkole> (дата обращения: 04.08.2026).
2. Ефремова Е. С. Роль педагогического мониторинга в сфере образования. 2022. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49919321> (дата обращения: 04.08.2026).
3. Коммуникативная компетентность как фактор совершенствования

профессиональной деятельности педагога / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-kak-faktor-sovershenstvovaniya-professionalnoy-deyatelnosti-pedagoga> (дата обращения: 04.08.2026).

4. Коммуникативная культура современного педагога / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kultura-sovremennogo-pedagoga> (дата обращения: 04.08.2026).

5. Компоненты педагогического процесса при организации учебных занятий / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-pedagogicheskogo-protsessa-pri-organizatsii-uchebnyh-zanyatiy> (дата обращения: 04.08.2026).

6. Многомерность стилей педагогического общения / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogomernost-stiley-pedagogicheskogo-obscheniya> (дата обращения: 04.08.2026).

7. Педагогическое общение в системе компонентов профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов в высшей школе / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskoe-obschenie-v-sisteme-komponentov-professionalnoy-podgotovki-buduschih-uchiteley-nachalnyh-klassov-v-vysshey-shkole> (дата обращения: 04.08.2026).

8. Педагогический такт – неотъемлемое качество личности педагога / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-takt-neotemle-moe-kachestvo-lichnosti-pedagoga> (дата обращения: 04.08.2026).

9. Профессиональная и коммуникативная компетентность педагога вуза / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-i-kommunikativnaya-kompetentnost-pedagoga-vuza> (дата обращения: 04.08.2026).

10. Развитие коммуникативной компетентности преподавателя вуза в системе повышения квалификации / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kommunikativnoy-kompetentnosti-prepodavatelya-vuza-v-sisteme-povysheniya-kvalifikatsii> (дата обращения: 04.08.2026).

11. Технология визуальной психодиагностики в педагогической коммуникации / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-vizual>

noy-psihoagnostiki-v-pedagogicheskoy-kommunikatsii (дата обращения: 04.08.2026).

12. Факторы успешного педагогического взаимодействия в системе «Учитель-ученик» / КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-uspehnogo-pedagogicheskogo-vzaimodeystviya-v-sisteme-uchitel-uchenik> (дата обращения: 04.08.2026).

УДК 378.046.4

ОТНОШЕНИЕ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ К ТРЕНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Талипов Рамиль Рашатович

аспирант

ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский
технологический университет»,
город Казань

Аннотация. В данной статье дано описание анкеты учителей физической культуры относительно проблемы их профессиональной подготовки к тренерской деятельности в общеобразовательной школе. Также представлены полученные результаты анализа ответов, полученных в процессе анкетирования 100 учителей физической культуры. Основопологающим является предложения и пожелания учителей физической культуры относительно программы дополнительного профессионального образования (её содержания и организации), направленной на подготовку к тренерской работе в общеобразовательной школе.

Abstract. This article describes the questionnaire of physical education teachers regarding the problem of coaching in secondary schools and professional training for this activity. The results of the analysis of the responses received during the survey of 100 physical education teachers are also presented. The suggestions and wishes of physical education teachers regarding the program of additional professional education (its content and organization) aimed at preparing for coaching in secondary schools are fundamental.

Ключевые слова: анкета, анкетирование, учитель физической культуры,

профессиональная подготовка, тренерская деятельность, программа дополнительного профессионального образования, общеобразовательная школа

Keywords: *questionnaire, survey, physical education teacher, professional training, coaching, additional professional education program, general education schools*

В настоящее время трудовая деятельность учителей физической культуры находится под влиянием значительных изменений, активно происходящих в отечественной системе общего образования. Возникающие спортивные клубы внутри школ, лиги, соревнования разных уровней превращают роль учителя физической культуры не только в предметного преподавателя, но и востребованного тренера.

Тренерская деятельность учителя физической культуры обладает ярко выраженными специфическими особенностями и может быть рассмотрена как самостоятельный вид профессионально-педагогической деятельности, поэтому становится актуальной необходимостью целенаправленной подготовки учителей физической культуры к данной деятельности в общеобразовательной школе [1].

В рамках нашего исследования, касающегося вопроса подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности в системе дополнительного профессионального образования было проведено анкетирование 100 учителей физической культуры, среди которых были как молодые специалисты, так и учителя со значительным стажем работы и квалификационной категорией.

Предложенная нами анкета, состояла из трех блоков.

Первый блок – общие сведения. В данный блок вошли вопросы о педагогическом стаже, наличие квалификационной категории, осуществлении тренерской деятельности, вида спорта, по которому ведется тренерская работа и её продолжительности [2].

Второй блок – оценка потребностей в подготовке к тренерской деятельности. В данный блок были включены вопросы способствующие выявлению необходимости дополнительной подготовки учителей физической культуры к тренерской деятельности.

Третий блок – предложения и пожелания. Данный блок был направлен на сбор предложений и пожеланий касемо содержания и организации программы дополнительного профессионального образования, направленной на подготовку учителей физической культуры к тренерской деятельности в общеобразовательной школе по футболу.

Благодаря данному анкетированию учителей физической культуры были получены следующие результаты.

Все участвующие в анкетировании учителя считают необходимым наличие у учителей физической культуры подготовки к тренерской деятельности.

90% учителей осуществляют тренерскую работу в своих школах (рис. 1). Наиболее часто встречающиеся виды спорта, по которым учителями ведется тренерская деятельность – это игровые виды (футбол, волейбол, баскетбол и др.).

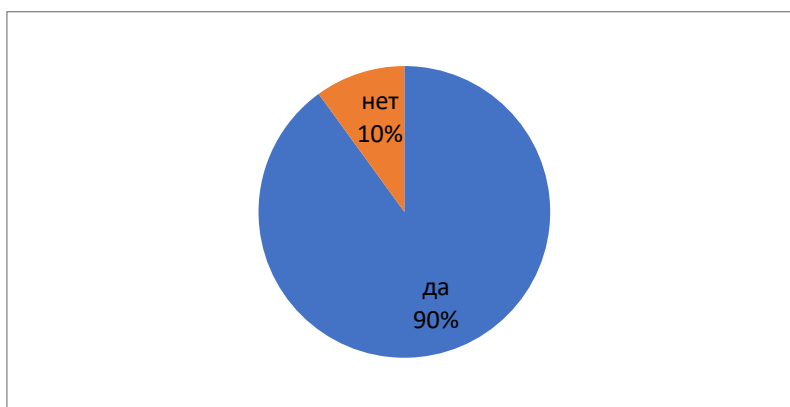

Рисунок 1 - Осуществляете ли вы тренерскую деятельность в своей школе (ведете ли спортивные секции)?

76% учителей отметили, что базовая подготовка в системе высшего и среднего профессионального образования была недостаточной для эффективного функционирования в роли тренера в общеобразовательной школе (рис 2), так как формируемые знания, умения и навыки в процессе базовой профессиональной подготовки учителей физической культуры были направлены в большей мере на обеспечение реализации предметного обучения в рамках уроков физической культуры, что также показал анализ ФГОС ВО по направлению подготовки «Педагогическое образование» профилю «Физическая культура» [3]. Из-за этого целесообразным, на наш взгляд, представляется получение дополнительного

профессионального образования.

Однако, 74% учителей отметили отсутствие качественных программ дополнительного профессионального образования, учитывающих специфику тренерской деятельности в общеобразовательной школе. Среди ключевых проблем было выделено следующее: стандартизированный подход, который не учитывает специфику и потребности конкретного учителя; жёсткие временные рамки обучения, ограничивающие гибкость образовательного процесса; несоответствие тематики курсов реальным профессиональным запросам учителей.

В своей работе Н. А. Андрощук также пишет о том, что многие учителя выражают недовольство традиционными формами постдипломного обучения. По мнению исследователя, это связано с тем, что существующая система повышения квалификации не в полной мере отвечает индивидуальным запросам педагогов [4].

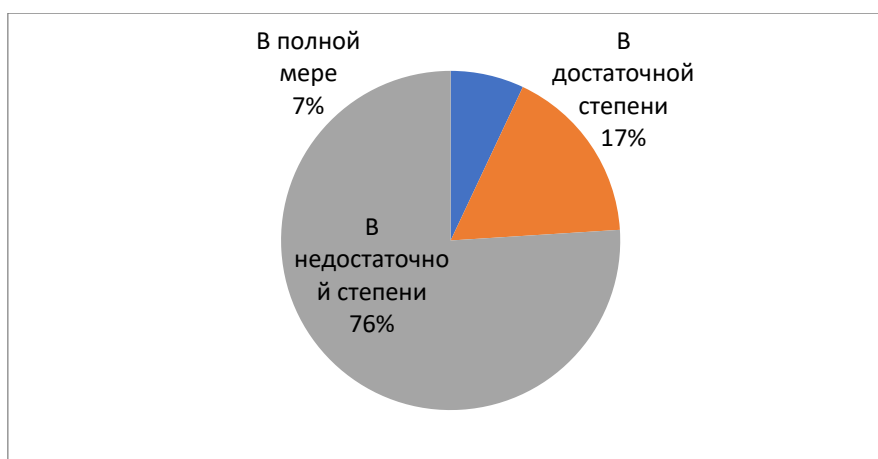

Рисунок 2 – Была ли достаточной ваша базовая профессиональная подготовка для эффективного осуществления тренерской деятельности в школе?

Ключевым результатом данного анкетирования является предложения и пожелания учителей физической культуры относительно программы дополнительного профессионального образования. Среди основных пожеланий учителей, участвовавших в анкетировании, можно выделить следующие: возможность проходить обучение в удобное время, частично дистанционно или в вечерние часы; возможность получения электронных версий всех материалов, удобных для последующего обращения и повторного просмотра; большее количество

практических занятий непосредственно с реальными группами занимающихся футболом детьми; большее внимание оптимальным схемам планирования тренировочного процесса; желание учиться на примерах конкретных ситуаций, возникающих в работе с детьми разных возрастов и различной степени подготовки.

Данные пожелания и предложения были учтены нами при разработке курса повышения квалификации, направленного на совершенствование основных компонентов тренерской деятельности [5].

Таким образом, анкетирование учителей физической культуры и анализ научно-методической литературы позволили выявить потребность учителей физической культуры в качественных программах дополнительного профессионального образования, учитывающих специфику тренировочного процесса в общеобразовательной школе и отвечающих их запросам. Также благодаря анкетированию были выявлены основные пожелания и предложения самих учителей физической культуры по содержанию и организации программы дополнительного профессионального образования.

Список литературы

1. Талипов, Р. Р. Подготовка учителя физической культуры к тренерской деятельности в средней общеобразовательной школе / Р. Р. Талипов, Ф. Т. Шагеева / Управление устойчивым развитием. — 2025. — № 4. — С. 95–99.

2. Михайлов, Д. Д. Некоторые особенности использования метода анкетирования в работе педагога по фк / Д. Д. Михайлов / Гуманитарные научные исследования. — 2017. — № 5. — С.17.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование: утв. приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 22 февраля 2018 г. № 121 / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2018. — № 25.

4. Андращук, Н. А. Сопровождение профессионального развития учителей в педагогическом сообществе / Н. А. Андращук / Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. — 2017. — № 4. — С. 95–101.

5. Талипов, Р. Р. Компоненты тренерской деятельности учителя физической культуры / Р. Р. Талипов / Жить в XXI веке - 2025: сборник статей. — Казань: КНИТУ, 2025. — С. 728–732.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 613

ПИТАНИЕ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ

Кузнецова Екатерина Владимировна

студент

Научный руководитель: Свириденко Ольга Александровна,
профессор

ФГБОУ ВО Кемеровский государственный медицинский университет
Минздрава РФ, г. Кемерово

***Аннотация.** Нарушение пищевого поведения среди студентов играет ключевую роль в развитии алиментарно обусловленных заболеваний.*

Eating disorders among students play a key role in the development of diseases of the digestive system.

***Ключевые слова:** рациональное питание, заболевания ЖКТ*

***Keywords:** rational nutrition, gastrointestinal diseases*

Питание играет ключевую роль в том, как организм адаптируется к окружающей среде. Для обеспечения нормального функционирования человеку необходимо получать разнообразные макро- и микронутриенты из своего рациона, следуя принципам сбалансированного питания. Это включает соответствие между калорийностью потребляемой пищи и энергетическими затратами, оптимальные пропорции пищевых веществ, регулярный режим питания, разнообразие продуктов и умеренность в принятии пищи [1].

Что касается физиологических потребностей, то для взрослого человека

необходимые нормы белка составляют от 12 до 14% от суточной энергетической потребности. Для мужчин это эквивалентно 75-114 граммам в день, а для женщин – 60-90 граммов. При этом важно, чтобы половина белка поступала из животных источников, а вторая половина — из растительных.

Прием жиров для взрослых должен ограничиваться 30% от калорийности суточного рациона, что соответствует 72-127 граммам в день для мужчин и 57-100 граммам для женщин. Из этого объема 10% должны составлять насыщенные и моновенасыщенные жирные кислоты, в то время как доля полиненасыщенных жирных кислот варьируется от 6 до 10%.

Физиологическая потребность в углеводах для взрослых находится в пределах 56-58% от суточного калоража. Это соответствует потреблению от 301 до 551 грамма в день для мужчин и от 238 до 435 граммов для женщин. При этом не более 10% от общего калорийного рациона могут составлять добавленные сахара, в то время как преобладающая часть углеводов должна быть сложной. В рационе также важно включать пищевые волокна — 20-25 граммов в день или 10 граммов на 1000 калорий.

Что касается режима питания, допустимым является 3-разовое питание, оптимальным является 4х кратное, преимущественно в одно и то же время, учитывая перерывы между приемами пищи. Суточная норма калорий, исходя из возраста и коэффициента физической активности студентов, составляет 2400 ккал для мужчин и 1900 ккал для женщин соответственно [2]. Рекомендуемое распределение калорийности между приемами пищи в течение дня следующее: на завтрак приходится 20-30% от суточной потребности в энергии, на обед – 35-40%, на полдник – 10-15%, на ужин – 20-30% [3].

В условиях интенсивной учебной нагрузки, стресса и чаще всего ограниченного бюджета, студенты обычно пренебрегают принципами рационального питания. Это приводит к ряду негативных последствий, такие как: снижения иммунитета и ухудшения работоспособности, развитие серьёзных заболеваний желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), таких как гастрит, язвенная болезнь, дисбактериоз и синдром раздражённого кишечника.

Кроме того, неправильное питание может способствовать развитию метаболического синдрома, ожирения, анемии, дефицита витаминов и минералов, что в свою очередь увеличивает риск сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета 2 типа и других хронических патологий.

С целью изучения привычного рациона студентов нами было проведено анкетирование среди учащихся Кемеровского Государственного Медицинского Университета в возрасте от 17 до 24 лет. В анкетировании поучаствовали 100 человек. По результатам анкетирования 25% едят 1-2 раза в день, 38% едят 3 раза в день, а 37% едят более 3 раз в день. При этом те, кто едят 1-2 раза в сутки, отмечают, что чаще всего пропускают завтрак.

В процессе изучения состава рациона студентов выявлено, что у 51% опрошенных в рационе преобладают углеводы, у 18% студентов преобладают жиры и 31% утверждают, что их рацион сбалансирован. Стоит сказать, что среди тех, кто отметил преобладание углеводов в рационе, 51% употребляет в основном простые углеводы, а 49% сложные.

Периодические проблемы с работой ЖКТ (страдают от метеоризма, запоров или диареи) имеют 63% от всех опрошенных. При этом самой большой группой с проблемами в работе ЖКТ стали студенты, питающиеся 1-2 раза в день с преимущественным употреблением простых углеводов. Так же 64% из этой группы студентов отмечают, что достаточно часто сталкиваются с проблемами в работе ЖКТ, в тоже время 57% из этой группы имеют в анамнезе диагноз гастрит.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку эффективных программ по формированию здоровых пищевых привычек среди студентов. На этом этапе в целях профилактики развития алиментарно зависимых заболеваний и просвещения студентов в вопросе питания нами была разработана памятка, отражающая основные принципы здорового питания и образа жизни (рисунок 1).

Рисунок 1 – Памятка о правилах здорового питания и образа жизни

Выводы: Проанализировав анкеты, результаты исследования показали, что значительная часть студентов не способна организовать правильное питание, и не стремится к этому, не осознает значения рационального питания для здоровья и не располагает знаниями о сбалансированности рациона питания, важности микро и макронутриентов. Стоит отметить, что студенты, следящие за своим питанием реже, сталкиваются с проблемами в работе ЖКТ, чем те студенты, которые не уделяют внимание данному вопросу.

Список литературы

1. Принципы рационального питания / Управление Федеральной Службы

по надзору в сфере защиты прав потребителей URL: <https://77.rospotrebnadzor.ru/index.php/san-epid/40-2009-08-20-06-08-14/1222-zdorovie-sp-537> (дата обращения: 20.10.2024).

2. Методические рекомендации МР 2.3.1.0253–21 «Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации» от 22.07.2021 / Российская газета. – 2021.

3. Санитарно-эпидемиологические правила и нормы СанПиН 2.3/2.4.3590-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения» от 11.11.2020 № 60833 / Российская газета. – 2020.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 336.22

О КОМПЕТЕНЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОТРУДНИКА НАЛОГОВОГО ОРГАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Теучеж Асфар Асланбиевич

начальник отдела правового обеспечения государственной регистрации № 1
Межрайонная ИФНС России № 16 по Краснодарском краю, город Краснодар

к.ю.н., преподаватель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина», город Краснодар

***Аннотация.** В статье уделено внимание рассмотрению вопроса о наборе компетенций, которыми должен обладать современный сотрудник налогового органа. Для достижения цели исследования автором предложена следующая система компетенций: цифровые, правовые, аналитические, коммуникационные, адаптационные, командоориентированные, иные факультативные. Также в работе раскрывается внутреннее наполнение каждой компетенции и пути ее развития.*

This article reviews the subject of competencies set that should be in disposal of a modern employee of taxation body. In order to achieve the research goal, the author provides the following system of competencies: digital, legal, analytical, communicational, adaptive, command-oriented, other facultative ones. The work also elaborates on inner contents of every competency and its development path.

Ключевые слова: ФНС России, сотрудник, компетенция, знание, умение, навык

Keywords: Federal Tax Service (FTS) of Russia, employee, competency,

knowledge, ability, skill

Федеральная налоговая служба (далее по тексту – ФНС России) – это одна большая команда специалистов, обладающих глубокими знаниями, умениями и богатым практическим опытом, объединенных едиными стоящими перед службой целями и задачами.

Команда ФНС России системно и эффективно демонстрирует высокий уровень компетентности и ответственности. Достижение положительных показателей стало возможным, в том числе благодаря созданной в ФНС России единой системе координат для всех сотрудников, концентрирующей их совместные усилия и обеспечивающей вовлеченность каждого в процесс, слаженное взаимодействие всех подразделений на пути к общему результату.

Вклад ФНС России в реализацию важных государственных проектов и ключевых направлений развития страны был отмечен Президентом России В. В. Путиным в своей поздравительной речи в 2025 году: «...В нынешнем году ФНС России исполняется 35 лет. За прошедшие годы она выросла в мощную, эффективную, динамично развивающуюся структуру. Важно, что вы активно внедряете собственные инновационные технологии, уникальные цифровые решения, передовые отечественные и мировые практики. Задаёте высокие стандарты предоставления государственных услуг гражданам и бизнесу.

Подчеркну, от вашей чёткой, слаженной работы во многом зависят стабильное пополнение бюджетов всех уровней, рост предпринимательской активности, повышение качества жизни людей. И в целом укрепление социально-экономического потенциала страны.

Уверен, вы и впредь будете честно трудиться, успешно решать поставленные задачи на благо Отечества и нашего народа» [1].

Такая серьезная оценка деятельности от президента не оставляет сомнений в том, что налоговой службой выбран правильный вектор развития, который соответствует стратегическим задачам государства по обеспечению фискальной устойчивости, укреплению финансовой стабильности, стимулированию экономического роста, расширению предпринимательской активности, упрощению

доступа к государственным услугам, повышению качества взаимодействия государства и бизнес среды.

Неоценимую помощь ФНС России в продвижении к профессиональному успеху оказывает активное внедрение в повседневную деятельность налоговых органов современных достижений технологического прогресса широко функционала (автоматизированная информационная система, искусственный интеллект и др.), упрощающих множество рабочих операций, а также правотворческая деятельность законодательной власти по оптимизации и модернизации нормативно-правовой базы.

При этом, в условиях цифровизации и структурного преобразования законодательства возрастает роль и требования к профессиональным качествам сотрудника налоговой службы. Только в руках компетентного специалиста цифровые инструменты могут стать продуктивным помощником в производственных алгоритмах, а новеллы в правовом регулировании эффективно применены на практике.

В данном контексте, представляется актуальным ответить на вопрос: «А какими компетенциями должен обладать современный сотрудник налогового органа?».

Для ответа на поставленный вопрос, предлагаем разделить компетенции современного сотрудника налогового органа на следующие виды:

- цифровые;
- правовые;
- аналитические;
- коммуникационные;
- адаптационные;
- командоориентированные;
- иные факультативные.

В целях полноценного ответа на указанный вопрос видится необходимым также тезисное раскрытие каждой компетенции и путей ее совершенствования.

1. Так, к цифровым компетенциям можно отнести уверенный (опытный) уровень владения автоматизированными программными комплексами, аналитическими и справочными системами, информационными ресурсами, офисными приложениями, инструментами получения, обработки и анализа большого массива данных (графики, сводные таблицы, формулы, макросы), навыки работы в сети «Интернет», с нейросетями, каналами связи, применения основ кибербезопасности, защиты информации.

Повышение уровня цифровых компетенций служащих налоговых органов может быть осуществлено посредством прохождения курсов повышения квалификации, широко представленных в Академиях ФНС ЛАБ; участия в вебинарах, проводимых квалифицированными специалистами службы в данной сфере; самообучения (изучение специализированной литературы, методических материалов, просмотр онлайн и видео курсов, и т.п.); изучения основ и возможностей использования искусственного интеллекта; обмена опытом с коллегами; присоединения к соответствующим корпоративным сообществам.

2. Правовыми компетенциями являются умение ориентироваться в законодательстве, находить нужные положения закона, правильно их толковать и применять в конкретной ситуации, отслеживать изменения отраслевой нормативной базы, анализировать правоприменительную практику, составлять и проверять на правовую верность юридически значимые документы, оценивать юридические риски действий (бездействия), качественно представлять интересы налогового органа.

Развить правовые компетенции представляется возможным с помощью получения дополнительного образования; прохождения курсов повышения квалификации; стажировки в юридическом подразделении; участия в вебинарах, научно-практических конференциях, форумах; изучения законов, литературы (учебники, монографии, научные журналы, статьи и диссертации), комментариев ученых и юристов; мониторинга справочно-правовых систем; активного участия в правовых дискуссиях, мозговых штурмах, деловых играх, обмена опытом с коллегами; анализа судебных актов с акцентированием внимания на их

мотивировочные части.

3. Аналитическими компетенциями представляется набор навыков и умений по прогнозированию потенциальных сценариев развития реализуемых проектов (выполняемых действий), моделированию их эффекта, оценке рисков, затрат, выгод от их воплощения, по выявлению проблемных позиций в конкретной ситуации, предложению вариантов их преодоления или разрешения, по установлению причин образования расхождений, отклонений от намеченного курса (целей), подготовке стратегий, новых идей, проектов усовершенствования существующих процедур, схем, методик .

Расширение аналитических компетенций продуктивно осуществляется с применением программ повышения квалификации; участия в разборе деловых кейсов, мозговых штурмах решения рабочих вопросов, совещаниях, круглых столах; общения и получения опыта от сотрудников с высоким уровнем аналитики; самостоятельного саморазвития и получения новых знаний (чтение профильной литературы, просмотр онлайн и видео уроков, лекций, анализа реальных ситуаций из опыта других организаций, прохождение тестовых заданий по закреплению изученных материалов и разбор ошибок); моделирования путей решения кризисных ситуаций.

4. Коммуникационные компетенции включают в себя умение соблюдать речевую культуру (соответствие речи правилам русского языка, ясность, выразительность, изложения мнения и мыслей, богатый словарный запас), грамотную письменную речь (грамматика, орфография, пунктуация, отсутствие слов-паразитов, логичность изложения текста), деловой этикет (толерантность, уважение к собеседнику, вежливость, эмпатия, соблюдение правил протокола мероприятия, внешнего вида и поведения на нем) и общение, навык публично выступать, слушать и слышать, выстраивать доверительные отношения, корректно и продуктивно вести диалог с коллегами, личный прием граждан или их телефонное информирование (предоставлять исчерпывающую информацию и полные ответы), преодолевать разногласия и урегулировать конфликты.

Усиление коммуникационных компетенций целесообразно осуществлять

средствами прохождения курсов обучения ораторскому искусству, конфликтологии; программ дополнительного образования; саморазвития (изучение литературы, чтение книг для обогащения лексикона, прослушивание аудиокниг, просмотр видеокурсов, публичных выступлений экспертов, лекций, работа над дикцией, произношением, интонацией, переписывание сложных текстов, написание изложений и сочинений); увеличения количества публичных выступлений (очные конференции или с использованием видеосвязи, совещания, рабочие встречи, представление докладов); деловые игры и тренинги.

5. В обойму адаптационных компетенций можно включить способность переосмыслить и скорректировать устоявшийся уклад рабочего процесса, внести правки в закоренелые убеждения, работать в парадигме многозадачности, сохранять эффективность при ограниченных сроках и максимальных нагрузках, гибкость в принятии решений, открытость к изучению и использованию современных технологий и инструментов, постижение новых знаний, умений, изучение наиболее эффективных практик и их внедрение, непрерывное обучение, умение сохранять концентрацию и работоспособность в стрессовых ситуациях, подстроиться к изменениям коллектива (команды), функций, сроков, планов, целей, задач, нормативно-правовой и технологической базы.

Рост адаптационных компетенций порождает участие в проекте ментор ФНС России, кросс-функциональном взаимодействии, командах, состоящих из коллег из разных структурных подразделений, созданных для решения стратегических или оперативных целей, деловых играх, конференциях, рабочих совещаниях; обмен опытом с экспертами; углубление знаний; расширение навыков и горизонтов; дополнительное образование; самостоятельное изучение смежных направлений, литературы, материалов; разбор деловых задач и ситуаций; корректировка своих действий и взглядов по итогам обобщения полученной обратной связи.

6. В компиляцию умений командоориентированности входит навык полноценного выполнения отведенной роли в команде, участия в разработке совместных решений и планов, четкого следования правилам поведения и

взаимодействия в команде, сохранения рабочей атмосферы и здорового климата в любой сложной ситуации, высказывания мотивированной обратной связи и своей обоснованной позиции, разрешения конфликтов и разногласий, поиска консенсуса, взаимопомощь и взаимовыручка, оказание содействия новым участникам в адаптации, ответственность за конечный результат команды, превосходство командных интересов (решений) над личными.

Способами повышения командоориентированной компетенции виднеется прохождение образовательных программ, участие в проектах и мероприятиях ФНС России командообразующей направленности, в семинарах, тренингах и ролевых деловых играх; всестороннее погружение в деятельность экспертных рабочих групп, создаваемых в налоговом органе; совместные поездки, коллективное посещение патриотических, культурных, спортивных и иных событий; самостоятельное изучение литературы, разбор кейсов и эффективных практик, решение практических упражнений, просмотр курсов и лекций.

7. К иным факультативным компетенциям относится пунктуальность, исполнительность, моральные качества, тайм-менеджмент, креативность, инициативность, внутренняя организованность, лидерские качества и др.

Компетенции взаимозависимы и взаимосвязаны между собой, крепко переплетены как звенья единого механизма. Выполнение компонентов одной компетенции инициирует осуществление элементов другой(их), а применение ряда многофункциональных методов развития способствует одновременному совершенствованию нескольких компетенций.

Безусловно, обозначенный выше набор компетенций, их наполнение и пути совершенствования не являются закрытым и исчерпывающим перечнем, подлежат дальнейшему исследованию и обсуждению. Однако, можно с уверенностью утверждать, что чем богаче арсенал компетенций у сотрудника, тем больше у него драйверов получить статус эксперта своего дела, завоевать доверие и высокую оценку от руководства и коллег, заслужить продвижение по карьерной лестнице. Новый профиль современного сотрудника ФНС России предусматривает постановку каждым перед собой цели гармоничного развития

компетенций для служения во благо государства и общества.

Список литературы

1. Работникам и ветеранам налоговых органов Российской Федерации [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/78511> (дата обращения 10.01.2026 г.).

**«НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ. ИННОВАЦИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

XXII Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО

(Подразделение НИЦ «Иннова»)

353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,

ул. Весенняя, 8, оф. 1

Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 14.09.2026 г. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 6,28
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 141.